

Э. В. ГЕОРГИЕВСКИЙ

**ИНСТИТУТ
СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ
РУССКОГО ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Юридический институт

Э. В. Георгиевский

**ИНСТИТУТ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УГОЛОВНОГО
ПРАВА**

Монография

УДК 343.9.01(47)(091)
ББК Х881.01(2)
Г36

*Печатается по решению учебно-методической комиссии
Юридического института ИГУ*

Рецензенты:

д-р юрид. наук, проф. *И. М. Середя*
канд. юрид. наук, доц. *Я. В. Гармышев*

Георгиевский Э. В.

Г36

Институт совместного совершения преступления в доктрине русского дореволюционного уголовного права : монография / Э. В. Георгиевский. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 143 с.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2333-3.2024.1-143>

ISBN 978-5-9624-2333-3

Посвящена генезису и формированию института совместного совершения преступления в отечественном дореволюционном уголовном праве. Анализируются многочисленные точки зрения русских криминалистов о правовой природе совместного совершения преступления, его видах и формах, участниках и лицах, прикосновенных к совершению преступления.

Предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, а также всех, интересующихся вопросами истории уголовного права.

УДК 343.9.01(47)(091)
ББК Х881.01(2)

ISBN 978-5-9624-2333-3

© Георгиевский Э. В., 2024
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Труды европейских мыслителей как предтеча института совместного совершения преступления (XVIII–XIX вв.)	11
§ 1.1. Уголовно-правовые воззрения европейских представителей школы естественного права и просветительно-гуманистического направления как основа генезиса отечественного института совместного совершения преступления в XVIII в.	11
§ 1.2. Труды немецких криминалистов-классиков как ориентир для формирования института совместного совершения преступления в уголовном праве России XIX в.	30
Глава 2. Развитие института совместного совершения преступления в России (последняя четверть XVIII – середина XIX в.)	47
§ 2.1. Совместное совершение преступления в творческом наследии политиков-публицистов и криминалистов-систематиков России последней четверти XVIII в.	47
§ 2.2. Первые догматические работы о совместном совершении преступления в русском уголовном праве (начало – середина XIX в.)	57
Глава 3. Оформление института совместного совершения преступления в теории русского уголовного права (середина XIX в. – 1917 г.)	70
§ 3.1. Совместное совершение преступления в учебной и монографической литературе по русскому уголовному праву (середина – четвертая четверть XIX в.)	70
§ 3.2. Совместное совершение преступления в доктрине русского уголовного права (четвертая четверть XIX в. – 1917 г.)	87
§ 3.3. Институт совместного совершения преступления в трудах Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкого	113
Заключение	123
Библиографический список	132

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уголовное право России как наука переживает непростые времена. Очевидно, что наступил период критического переосмысления материала, накопленного за долгие годы. Это переосмысление должно носить характер научной рефлексии и вести в итоге к изменению самих концептуальных подходов к уголовному праву в целом, иначе существует риск деструктивного изменения соотношения формы и содержания, что, по мнению некоторых исследователей, приведет (и уже приводит) к «эстатическому позитивизму» и «простой суммативности накопленных знаний»¹.

В то же время нельзя сказать, что научное сообщество пребывает в состоянии блаженного самолюбования и довольствуется только лишь интерпретацией созданного мыслителями прошлого теоретического материала. Сегодня появляется достаточное количество работ, свидетельствующих о непрекращающемся поиске новых форм и смыслов, принципов и идей, кропотливом анализе исторического уголовно-правового наследия. Так, например, подвергаются пересмотру концептуальные основы построения Общей и Особенной частей уголовного права, система связей общего и особенного, структура уголовного права и ее соотношение со структурой уголовного закона, способы и средства законодательной техники; осуществляются поиск и исследовательский отбор малоисследованных и недостаточно разработанных категорий и институтов. То есть происходит переосмысление и новое изучение всего того, что до недавнего времени практически не вызывало никаких сомнений или принималось как должное.

¹ Бочкарев С. А. Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1 (2). С. 58–69.

Особенно непростая обстановка, на наш взгляд, сложилась в учении о соучастии, которое в буквальном смысле слова перенасыщено огромным количеством работ и противоречивыми точками зрения. Подобный кризис уже наблюдался в конце XIX – начале XX в., когда практически каждый исследователь говорил о запутанности и неразрешимости многих положений учения о соучастии именно в связи с перенасыщением противоречивого теоретического материала, созданного как отечественными, так и зарубежными учеными. Дело дошло до того, что зазвучали концептуальные предложения отказаться от формулирования основных положений учения о соучастии в Общей части уголовного закона и права. Возможно, что обращение к бесценному теоретическому наследию наших предшественников, дореволюционных криминалистов-правоведов, позволит взглянуть на привычные и где-то даже устоявшиеся позиции под другим углом.

Согласно точке зрения Н. С. Таганцева, наука уголовного права в России началась с переводов на русский язык иностранных источников. «...Причем, прежде всего при Петре Великом и Екатерине II были переводимы сочинения, касающиеся вопросов уголовного права лишь как части государственного права вообще, а с Александра I появились переводы и специальных исследований по уголовному праву»². Для нашей работы этот факт также имеет ключевое значение, так как вопросы совместного совершения преступления в той или иной степени упоминались уже в этих первых переводах.

Все переводные труды указанного периода условно можно разделить на две группы. Первая была представлена произведениями иностранных ученых, чья судьба была связана с Россией, в частности тех, кто преподавал в России, а затем либо уехал, либо остался. Вторую группу представляли исследования авторов, не имевших отношения к Рос-

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 20.

сии. Однако работы и тех и других оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие отечественной юриспруденции. Вместе с тем, как справедливо отмечает Т. Л. Сергеева, труды российских криминалистов не являлись слепым заимствованием зарубежной уголовно-правовой мысли, они носили вполне самостоятельный характер и «заклучали в себе результат богатого и самостоятельного развития теоретической мысли, являясь ценным вкладом в сокровищницу мировой культуры»³. Взгляды представителей естественно-правовой школы, просветительско-гуманистического направления, классической немецкой школы уголовного права служили только лишь своеобразным ориентиром в вопросах построения вполне самобытных теоретических конструкций института совместного совершения преступления русскими дореволюционными криминалистами.

Воззрения российских дореволюционных исследователей на развитие института совместного совершения преступления развивались в канве двух основных направлений – акцессорной теории соучастия, сторонниками которой преимущественно были представители классической школы уголовного права, составившие так называемое господствующее направление, и теории самостоятельного участия, которую представляли сторонники социологического и позитивистско-антропологического направлений. Кроме того, целый ряд исследователей в начале XX в. пытались на основе структурно-сопоставительного анализа двух основных направлений выводить промежуточные концепции. Представители первого связывали основание уголовной ответственности за совместное совершение преступления (соучастие) с деятельностью исполнителя, общностью вины, единением воли и сговором на совершение преступления. Представители второго предлагали не опосредовать преступный результат исключительно деятельностью исполнителя, а обосновывать самостоятельную уголовную ответственность каждого соучастника в зависимости от характера

³ Сергеева Т. Л. Учение о соучастии в трудах русских дореволюционных криминалистов // *Lex Russica* (Научные труды МГЮА). 2010. № 1. С. 23.

и степени участия каждого в совершении преступления. Они фактически предлагали считать деятельность каждого сложного (т. е. иного, кроме исполнителя) соучастника самостоятельным преступлением. Более того, институт соучастия, базирующийся в Общей части уголовного права, некоторые из них считали излишним, затрудняющим возможности квалификации бесчисленных комбинаций действий соучастников. Сторонники промежуточных концепций пытались комбинировать, с одной стороны, ограничивая жесткую акцессорность классического направления, с другой – значительно приуменьшая значение опасного состояния личности преступника.

В 1907 г. автор книги «Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве» Д. Д. Безсонов, осуществив анализ развития учения о совместном совершении преступления, писал о том, что даже в первой половине XIX в. учение о соучастии в России представляло собой совершенно безотрадную картину. Бездна остроумия была потрачена на отвлеченные юридические рассуждения, в которых создавались схоластические классификации видов соучастников и соучастия, смешивались понятия учения о соучастии и учения о видах соучастников, присовокуплялись к соучастию те или иные формы прикосновенности.

«Нарисовать картину того развития, которое прошло учение о соучастии, – писал Д. Д. Безсонов, – задача в высшей степени сложная и должна составить предмет специальной монографии. Только в специальной работе можно разобраться как в законодательном материале, так и в бесчисленных монографиях, которые касаются соучастия. Но, несмотря на богатую литературу, накопленную по этому вопросу, работ, которые давали бы общую историю развития учения о соучастии, являлись бы достаточно исчерпывающими в этой области, к сожалению, до сих пор нет»⁴. Справедливости ради необходимо отметить, что Д. Д. Безсонов, очевидно под бесчисленными монографиями понимает весь

⁴ Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб., 1907. С. 176–177.

объем научной и учебной литературы, посвященной институту соучастия, так как, строго говоря, собственно монографических исследований в точном соответствии с этим видом научного жанра в этой области было всего два (это общие работы А. С. Жиряева и Г. Е. Колоколова, если не считать исследования отдельных категорий института соучастия И. Я. Хейфица и самого Д. Д. Безсонова).

Мы, конечно же, ни в коем случае не претендуем на создание подобного монографического исследования. Это действительно очень сложная, а главное, кропотливая задача, требующая детального обзора и разбора огромного количества противоречивых (контрарных, а порой и контрадикторных) позиций, тем более этот вопрос волновал и продолжает волновать почти всех исследователей XX и XXI вв., которые брались и берутся за рассмотрение проблем соучастия в современном уголовном праве. Практически каждая работа предваряется серьезным историческим исследованием. Это в полной мере относится к произведениям Р. Р. Галиакбара, Ю. В. Грачевой, Е. В. Епифановой, Л. Д. Ермаковой, М. И. Ковалева, О. В. Малахова, А. А. Пионтковского, Ю. Е. Пудовочкина, А. Р. Салимгареевой, Т. Л. Сергеевой, А. И. Ситниковой, А. Н. Трайнина, А. И. Чучаева и др.

Однако очертить общие контуры указанной проблемы мы посчитали вполне возможным и посильным. Конечно же, обойтись только лишь и исключительно юридическими произведениями монографического и учебного характера представителей русской дореволюционной науки уголовного права мы не смогли. Учение о совместном совершении преступления не появилось из ниоткуда. Оно органически развивалось из общих уголовно-правовых воззрений представителей не только российской, но и зарубежной науки уголовного права, тесно связывалось с учением и о субъекте преступления и о началах субъективного вменения, с самим учением о преступлении. На него серьезное влияние оказывали социальные и политические процессы, развитие законодательства и различные теоретические взгляды и подходы к праву в целом.

К отечественным исследователям, занимавшимся рассмотрением вопросов совместного совершения преступления, в той или иной степени относятся: А. А. Артемьев, С. И. Баршев, Л. С. Белогриц-Котляревский, С. М. Будзинский, Л. Е. Владимиров, Н. С. Власьев, М. Н. Гернет, О. И. Горегляд, З. А. Горюшкин, П. Н. Гуляев, Ф. Г. Дильтей, Д. А. Дриль, В. В. Есипов, А. А. Жижиленко, А. С. Жиряев, Л. М. Зайцев, П. Д. Калмыков, А. Ф. Кистяковский, Г. Е. Колоколов, П. Д. Колосовский, А. П. Куницын, К. Г. Лангер, П. Д. Лодий, А. В. Лохвицкий, С. П. Мокринский, И. Е. Нейман, Н. А. Неклюдов, Э. Я. Немировский, Д. Неттельбладт, С. В. Познышев, Н. А. Полетаев, П. П. Пусторослев, Г. И. Солнцев, Н. Д. Сергеевский, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, И. Я. Хейфец, Л. А. Цветаев, Д. А. Червонецкий, М. П. Чубинский и др.

Несколько слов необходимо сказать и по поводу названия нашей работы. Мы сознательно говорим не об учении о соучастии, а об учении о совместном совершении преступления, постулируя таким образом идею о более широких границах явления, представленного участием двух и более лиц в одном или нескольких, но связанных между собой преступлениях. Собственно, основная идея нашей работы заключается в том, чтобы показать, что уже на заре своего развития в процессе становления русской дореволюционной уголовно-правовой доктрины отечественные исследователи видели и понимали несоответствие между фактическим объемом изучаемого юридического явления и его формальными юридическими рамками.

При написании работы мы использовали конкретно-исторический и частично компаративистский методы исследования, при этом посчитав возможным уложить материал в определенные хронологические рамки. Понятно, что подобная в некоторой степени искусственная конструкция была необходима лишь для логичного структурирования монографического исследования, однако, завершая работу, мы убедились в ее жизнеспособности и решили ее оставить. По-

нятно, что юридические воззрения фундаментального характера не прекращаются в один временной период и не начинаются с нового календарного года. Они могут лишь видоизменяться, переживать периоды упадка и последующего ренессанса. Точки зрения ученых на предмет нашего исследования также не являются константными. Правоведы нередко придерживаются одной позиции, но затем, по истечении определенного промежутка времени, изменяют, уточняют свои взгляды. Однако в целом подобный концептуальный подход к исследованию вполне себя оправдал. И, к сожалению, мы вынуждены признать, что изучить все без исключения работы не представилось возможным по причине отсутствия некоторых изданий⁵.

Мы искренне надеемся, что наша работа вызовет определенный интерес у представителей науки уголовного права и поможет им сориентироваться не только в хронологических границах генезиса и последующего развития учения о совместном совершении преступления в русском дореволюционном уголовном праве, но и увидеть весь тот нелегкий путь нестандартного мышления, великолепной индивидуальной научной рефлексии и саморефлексии, результатами которой стало теоретическое формирование и законодательное закрепление института множественности лиц, участвующих в совершении одного и того же или нескольких взаимосвязанных преступлений в русском дореволюционном уголовном праве.

⁵ В этой связи представляется интересным следующий нюанс: в 1917 г. Э. Я. Немировский, предвзяв в своей работе главу о соучастии, перед списком литературы пишет следующую фразу: «Литература почти необозрима» (Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 579).

ТРУДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ КАК ПРЕДТЕЧА ИНСТИТУТА СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (XVIII–XIX вв.)

§ 1.1. Уголовно-правовые воззрения европейских представителей школы естественного права и просветительно-гуманистического направления как основа генезиса отечественного института совместного совершения преступления в XVIII в.

Одними из первых правовых воззрений, проникших в Россию, были идеи школы естественного права, возникшие еще во времена Античности. Естественные правовые воззрения были неоднородны, противоречивы, что не служило единству содержания естественного права на всем протяжении его развития. Естественное право рассматривалось как система норм, существующих от природы, помимо воли законодателя, а источник права находился во внутреннем сознании отдельных лиц или общественных групп⁶.

Идеи школы естественного права переносились на российскую почву и в чистом виде, и в виде своеобразного синкретизма естественных правовых воззрений и обобщений положительного права, что, в свою очередь, порождало очень своеобразные конструкции права уголовного, отражавшиеся в том числе и на учении о совместном совершении преступления. Вот что по этому поводу писал Г. С. Фельдштейн: «Русская юриспруденция, всегда черпавшая щедрою рукой на Западе, не могла не отразить всех этих колебаний, и

⁶ См.: Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 2. С. 71–72.

наша научная литература начала XIX в. представляет более или менее полно все эти течения. Мы встречаемся вместе с тем с естественно-правовыми конструкциями в чистом виде и системой уголовно-правовых понятий, черпающих свои послышки в чистом разуме и его логических заключениях... Наконец, на нашей уголовно-правовой литературе не могло не сказаться и то течение, которое ставило естественное право в связь с положительным и давало естественно-правовые конструкции, заимствованные на Западе, стоящие в том или другом отношении к положительному праву»⁷.

Одними из первых трудов, переведенных еще при Петре Великом, были работы Г. Гроция «О праве войны и мира» и С. Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина» (в других переводах «О долге человеческого и гражданского»). Оба автора являлись представителями школы естественного права, которое с большим трудом пробивало себе дорогу сквозь закостеневшие законы феодальной юстиции, игнорировавшие естественные права человека и, в частности, уравнивавшие ответственность всех соучастников, независимо от характера и степени участия в совершенном преступлении.

В работе Г. Гроция совместное совершение преступления подразумевалось, прежде всего, как форма совершения массового преступления – неоправданной (несправедливой) войны. При этом бремя возмещения причиненного ущерба лежит не только на тех лицах, кто непосредственно этот ущерб причинил, но и на тех, кто этому способствовал⁸. Более того, согласно точке зрения Г. Гроция, вина за совместно совершённое преступление верховной властью и подданными может переходить друг на друга, когда подданными дается согласие, а преступление совершается по приказу верховной власти⁹.

⁷ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 364.

⁸ См.: Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 154.

⁹ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 514.

Более подробно вопросы совместного совершения в преступлениях частного характера Г. Гроций рассмотрел в гл. XVII «Об ущербе, причиненном правонарушением, и о возникающем отсюда обязательстве». Так, в § 6 автор говорит не только о тех, кто сам лично и непосредственно причиняет ущерб, и кто при этом является главными соучастниками, но и о тех, кто совершает действия или воздерживается от них, но является при этом соучастниками второстепенными. Таких главных соучастников Г. Гроций в своей работе больше не рассматривает, видимо, в силу очевидности их ответственности. А вот по отношению к соучастникам второстепенным выстраивает очень сложную иерархию.

Второстепенные соучастники могут быть разделены на две группы.

1. Те, кто является второстепенными соучастниками, участвующими в совершении преступления путем положительного действия. Они, в свою очередь, также разделяются:

1) на второстепенных, но при этом главных в своей второстепенности (это те, кто распоряжается, кто дает требуемое согласие, кто доставляет полученное или соучаствует иным способом в совершении самого преступления);

2) второстепенных, но не главных соучастников (те, кто подает совет, подстрекает или сочувствует).

2. Второстепенные соучастники, совершившие преступление путем воздержания от совершения действий, также делятся:

1) на второстепенных бездействующих и главных (те, кто обязан был действовать в силу права, приказа, должности или должен был оказывать помощь тому, против кого совершается преступление);

2) второстепенных бездействующих и не главных (те, кто должен был отговаривать, но не сделал этого, либо те, кто промолчал о совершённом преступлении, хотя должен был о нем сообщить).

Собственно, выстраиваемая Гроцием иерархия второстепенных соучастников неслучайна. Вопросы привлечения

их к уголовной ответственности также решаются мыслителем в строго определенной последовательности. Первыми подлежат ответственности те, кто, пользуясь своей властью или иным путем, побудил кого-либо к совершению правонарушения. Затем ответственности подлежат те, кто преступление подготавливал, а затем и все остальные, при условии, что деяние совершено всеми ими совместно¹⁰. И совершенно логично предположить, что подобный же подход прослеживается у мыслителя в гл. 21 «О распространении наказаний», где исследователь делает оговорку, что все те правила, которые распространяются на соучастие в правонарушении, применимы и к соучастию в наказании. «Следовательно те, кто повелевает совершить преступное деяние, – пишет далее Г. Гроций, – кто дает требуемое согласие, кто помогает, кто укрывает похищенное или участвует иным путем в самом преступлении: подает совет, подстрекает, одобряет, кто не воспрещает, когда по праву в собственном смысле обязан воспретить, или кто по такому же праву обязан оказать помощь потерпевшему и не окажет таковой, кто не отсоветует, когда следует отсоветовать, кто скроет содеянное, о чем должен был по закону сообщить, – все такие лица могут быть наказаны, если они повинны в злодеянии, которое достаточно для того, чтобы повлечь за собою наказание...»¹¹. Таким образом, становится очевидным, что Гроций не делает различий между лицами, непосредственно участвующими в совершении преступления в качестве соучастников, и лицами, прикосновенными к совершению преступного деяния.

Будучи одним из основоположников теории естественного права, С. Пуфендорф все законы, на основе которых существует человеческое общество, делил на две группы: 1) по происхождению: на законы божественные и законы человеческие; 2) по содержанию: на закон естественный и закон положительный. При этом закон естественный дарован Богом, а закон положительный устанавливается самими

¹⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 422.

¹¹ Там же. С. 506.

людьми. Три принципа (или, как переводили русские переводчики, *три должности*), без которых человек не может жить, были следующие:

а) не обидеть другого;

б) почитать другого как самого себя;

в) чтобы каждый о пользе другого и ее приумножении беспокоился¹².

Рассуждает С. Пуфендорф и об уголовном праве, в частности о совместном совершении преступления. В своей работе ученый закладывает начальные основания понимания уголовного права, рассуждая в том числе о правилах действий человеческих не только в отношении выполнения установок закона, но и с точки зрения совершения преступлений. Согласно точке зрения Г. С. Фельдштейна, С. Пуфендорф говорит «о преступлениях коллективных единиц»¹³. «Как частные люди и граждане государства, — пишет мыслитель, — могут между собой ссориться, так и целые народы, или их владетели могут от различных причин впадать между собою в распри; но сии последние распри обыкновенными судьями решиться не могут; ибо нет таких людей, кои бы целые народы судили. В таковых случаях бывает война: впадшие в ссору народы друг против друга неприятельски поступают, один на другого землю нападают, осаждают и берут города, выжигают места, отнимают жатвы у обывателей, отводят людей и скот в плен, между собою сражаются и делают друг другу столько вреда, сколько могут»¹⁴.

Представляется, что С. Пуфендорф достаточно четко высказывался и об исполнителе преступления, чья воля в совершении преступления должна быть абсолютно свободной. Если исполнитель не был свободен в принятии реше-

¹² См.: Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 83.

¹³ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 63.

¹⁴ Пуфендорф С. О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи. СПб., 1796. С. 101–102.

ния о совершении преступления, то такое деяние ему предписано быть не может¹⁵ Данное поведение, очевидно, можно рассматривать в контексте посредственного причинения, и причина подобного подхода также является вполне объяснимой – она целиком вытекает из естественно-правовых воззрений С. Пуфендорфа.

Нужно заметить, что обращение Г. Гроция и С. Пуфендорфа к войне как преступлению коллективных единиц само по себе было не ново. Как полагает, например, А. С. Шляпочников, именно посягательства извне и составляли практически единственную и основную социальную опасность для древних догосударственных образований. Бесконечные междоудовые войны являлись и основным тормозом в развитии общественных отношений¹⁶. Неудивительно, что и в период Средневековья этот подход продолжал оставаться приоритетным и соответствовал времени¹⁷.

Одним из представителей школы естественного права в России являлся Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, который был профессором юриспруденции и политики Санкт-Петербургской академии наук. По справедливому замечанию А. И. Чучаева, в своем теоретическом наследии Ф. Г. Штрубе де Пирмонт не имел работ, имеющих отношение к области уголовного права¹⁸. Однако в творческом пути ученого есть один, на наш взгляд, очень важный факт – с 1754 г. он являлся членом Уложенной комиссии. Кроме него, в ее состав входили также генерал-майор Дивов, главный судья Судебного приказа Безобразов, председательствующий Сената Глебов и др. Но именно Ф. Г. Штрубе де Пирмонт был единственным представителем Академии наук. Мы рискнули бы

¹⁵ См.: Хелльманн У., Сатолин В. Н. История немецкого уголовного уложения // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019. № 2. С. 119.

¹⁶ Шляпочников А. С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях. М., 1932. С. 7–8.

¹⁷ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 63.

¹⁸ См.: Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право. М., 2022. С. 430.

предположить, что вопросами научной обработки материала занимался именно он, а значит, вполне вероятно его непосредственное участие в составлении положений Проекта 1754 г., касающихся вопросов совместного совершения преступления.

Проект Уголовного уложения 1754 г., который был составлен Уложенной комиссией 1754 г., не получил утверждения императрицы Елизаветы Петровны. Как полагает Н. Д. Сергеевский, по своему содержанию он являлся сводом положений современного ему права, включавшим в себя положения Соборного Уложения 1649 г., воинских законов Петра Великого и еще целый ряд циркуляров и отдельных законов в период с 1648 по 1754 гг.

В гл. 21 «О бунте и измене» говорится о том, что кто-либо, оказывающий советом или делом главному изменнику помощь, должен также быть наказан смертной казнью. При этом пособники приравнивались к лицам, которые ведали об измене и в удобное время не известили. Фактически речь идет о недоносителях¹⁹.

«Вспоможение» советом и делом предусматривалось также и по отношению к убийству в гл. 25 «О смертном убийстве». Кроме того, в данной норме предусматривалась также ответственность за приказ, отданный на убийство, или простое научение. Эти формы организаторских или подстрекательских действий были столь опасны, что наказание за них приравнивалось к наказанию самого исполнителя. Там же устанавливалась ответственность за найм в отношении убийства²⁰. «Внимание к умыслу в преступном деянии, – пишет по этому поводу О. А. Омельченко, – придание ему самостоятельного значения обусловило в том числе и равное наказание, устанавливаемое и для преступников, и для соучастников, а также недоносителей. Причем в ряде случаев

¹⁹ См.: Проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А. А. Востокова, предисл. Н. Сергеевского. СПб., 1882. С. 78.

²⁰ Там же. С. 91.

подговор или соучастие могли караться строже самого деяния (например, при убийстве с особыми признаками)²¹.

В гл. 33 «О ворах и татях и мошенниках» (ст. 15) устанавливалась ответственность за сообщничество в воровстве, которое выразилось в участии нескольких воров в одной и той же краже. Наказание повелевалось назначать в таких случаях равное. А в ст. 17 говорилось о том, что вспоможение в воровстве, награждаемое частью похищенного, приравнивалось к укрывательству путем предоставления пристанища, принятию краденого или приобретению, или сбыту этого имущества²². Глава 39 «О зажигателях» также в ст. 2 приравнивала ответственность исполнителей и лиц, научающих на зажигание, помогающих или недонесших²³. Таким образом, не будучи изложены в какой-либо обобщающей части Проекта, положения о совместном совершении преступления сопутствовали практически всем более или менее значимым главам части Особенной, в которой предусматривалась ответственность за различные посягательства.

В 1770 г. в России с латинского языка был переведен труд немецкого правоведа Д. Неттельбладта под названием «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаправленное к употреблению основания положительной юриспруденции». В Титуле 4 «Об участии действий» в нескольких коротеньких параграфах Д. Неттельбладт пытается формулировать некоторые положения, относимые в том числе и к совместному совершению преступления. Так, дается понятие виновника как лица, которое «сам оное сделал». Те, кто самое то же сделали, именовались совиновниками. Товарищем именовался тот, кто своими действиями что-либо присоединяет к действию другого, либо тот, кто в действии другому помогает. Употребляется и термин «сове-

²¹ Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М., 1989. С. 23.

²² См.: Проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены. С. 122–123.

²³ Там же. С. 144.

тующий». А в § 409 ученый говорит о «сообщниках в преступлении»²⁴. Согласно точке зрения Г. С. Фельдштейна, именно в этой работе закладываются начальные основания формирования терминологического аппарата института совместного совершения преступления²⁵.

Еще одно имя, о котором необходимо упомянуть, – Ф.-Г. Дильтей, являвшийся профессором юридического факультета Московского университета. Его перу принадлежит работа под названием «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте...», в которой он, в частности, упоминает о ситуации, связанной с совместным совершением преступления. В § 15 своего исследования, рассуждая о преступлениях, которые может совершить судья, ученый говорит, что если кто-либо именем судьи и без его ведома возьмет взятку для себя, то должен быть наказан кнутом и возратить все втрое в Государственную казну. Но если судья получает взятку через третье лицо, то считается, что он сам взял²⁶. В этом случае очевидно, что речь идет о посредничестве во взяточничестве, которое в то время рассматривалось не как самостоятельное преступление, а как соучастие в виде пособничества. Курс уголовного права, который читал Ф.-Г. Дильтей, основывался на произведениях С. Пуфендорфа и Д. Неттельблакта.

Систему Неттельблакта излагал в своем преподавании уголовного права и К. Лангер, сменивший Ф.-Г. Дильтея в

²⁴ Неттельблакт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, приравненное к употреблению основания положительной юриспруденции. М., 1770. С. 27, 180.

²⁵ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 72.

²⁶ Дильтей Ф.-Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с Уставом главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, Словесного суда и Гильдии, с Уставом же таможенным старым и новым, их конфирмациями и с инструкцией Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указами, сочиненное в пользу учащихся юриспруденции. М., 1779. С. 91.

Московском университете в 1764 г.²⁷ Собственно, и в трудах К. Лангера о совместном совершении преступления не так много упоминаний. Так, в одной из работ ученый рассуждает о ситуации, связанной с посредственным причинением. Рассуждая о том, что деяние не может считаться преступным, К. Лангер перечисляет подобные случаи. К ним он относит в том числе ситуацию принуждения к совершению преступления²⁸.

Еще один представитель немецкой науки уголовного права Л. Г. Якоб, являвшийся членом Российской Императорской о составлении законов Комиссии, был приглашен для составления Уголовного уложения в 1806 г. Его имя связано с российским Проектом уголовного уложения 1813 г. Л. Г. Якоб, как отзывался о нем И. Я. Фойницкий, был «кабинетным чиновником – систематиком с предвзятыми общими началами естественного права, с большим запасом юридической эрудиции того времени, выражавшейся в знакомстве со многими кодексами без знания исторических основ каждого из них»²⁹.

В § 17 ч. 1 «Основания уголовного права» Уложения говорилось о том, что прикосновенные виновники и участники преступления могут быть трех видов.

1. Зачинщики преступления, производители (исполнители), укрыватели, а также те, кто к совершению преступления принуждал, подговаривал или подкупал, т. е. подстрекатели. При этом в соответствии с § 90, если зачинщик или производитель осуществляли подстрекательство путем подговора или принуждения, то этот факт рассматривался как обстоятельство, отягчающее наказание³⁰. «Зачинщики

²⁷ См.: Томсинов В. А. Первый профессор Юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 2. С. 9.

²⁸ Лангер К. Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда и что употребление онаго рассуждать надлежит по различному состоянию гражданств и по намерению, которое в наказании людей иметь должно. М., 1767. С. 15.

²⁹ Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 63.

³⁰ См.: Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. Самара, 2013. С. 74.

оного, производители и укрыватели, также те, кои других к тому принуждали, или уговаривали, или подкупали»³¹.

2. Вспомогатели (пособники), которые содействовали совершению преступления советами, подущением или каким-либо иным образом способствовали совершению преступления. «Вспомогатели, которые содействовали или советом, или подущением, или другим каким образом заведомо способствовали к совершению преступления. Также и те, которые хотя и не имели предварительного сведения о преступлении, но, когда оно уже учинено, укрыли его для пользы, которую или получили или ожидали»³².

Нужно отметить, что § 91 в качестве одного из обстоятельств, существенно уменьшающих вину, упоминал степень обольщения или обмана хитрыми наущениями подстрекателя. Кроме того, к пособникам приравнивались укрыватели, которые совершали укрывательство без заранее данного обещания, но получившие или ожидающие вознаграждения.

3. Сведущие (недоносители), которые имели обязанность и возможность донести о преступлении, но не сделали этого³³. «Сведущие о преступлении, которые имел обязанность и способ донести об оном, не сделали сего»³⁴.

Что касается общих вопросов ответственности соучастников и прикосновенных к совершению преступления, то § 78 устанавливал общие основания уголовной ответственности. В нем говорилось, что все участвовавшие в каком-либо преступлении отвечают каждый за всех и все за каждого и именем своим, и в оплате денежных штрафов³⁵.

³¹ См.: Проект уголовного уложения Российской Империи. Часть первая: Основания уголовного права. СПб., 1813. С. 7.

³² Там же. С. 7–8.

³³ См.: Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. С. 60.

³⁴ См.: Проект уголовного уложения Российской Империи. Часть первая ... С. 8.

³⁵ См.: Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. С. 71.

О совместном совершении преступления упоминалось и в Особенной части Проекта 1813 г. Так, в вопросах ответственности за преступления, проистекающие из раскола или ереси (в частности имелись в виду преступное участие в различных сектах, например хлыстов и скопцов), при совершении причинения вреда кому-либо различались главные и второстепенные участники. И если производителя могли сослать в каторжные работы, то иные участники наказывались в меньшей степени «по мере вины и участия их в преступлении»³⁶.

Глава вторая «Наказания за оскорбление Императорского Величества» давала определение заговора, под которым понималось условие совершить преступление двумя или более лицами. Смертной казни подлежали не только производители посягательства на жизнь и здоровье императора, но и все иные участники и содействовавшие, независимо от роли в преступлении. Недоносители же, даже близкие родственники, подлежали смертной казни. Исключение составляли только супруги и дети, доносы которых не принимались.

Параграф 136 гласил: «Кто же из соумышленников и участников, раскаясь заблаговременно донесет о злом умысле установленным порядком, доказав оный на своих сообщников, таковой освобождается от наказаний»³⁷. Фактически данный параграф устанавливает возможность добровольного отказа для соучастников.

Первое, что обращает на себя внимание в Проекте, – это тот факт, что укрыватели и доносы объединяются одним общим термином – «прикосновенные к преступлению». Второе – это то, что действительно и прикосновенные к совершению преступления, и соучастники в такой классификации не разделены между собой.

Предвзятость Л. Г. Якоба по отношению к началам естественного права, как и говорил о нем Г. С. Фельдштейн,

³⁶ См.: Безверхов А. Г., Коростелев В. С. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года. С. 85.

³⁷ Там же. С. 87.

в полной мере отразилась в другой его работе – «Курсе естественного и народного права». Среди существенных прав человека исследователь выделяет три главнейших: 1) право человека на свою личность; 2) право человека на свою внешнюю свободу; 3) право человека на равенство своих прав с правами других. Право человека на свою личность Л. Г. Якоб оговаривает особо. Каждый человек имеет право быть только самому себе целью. Иными словами, каждый имеет право распоряжаться волевым образом лишь в отношении самого себя³⁸. А далее ученый утверждает, что никто не имеет право поступать с другим человеком «как с простым средством». Здесь, очевидно, также речь идет о ситуации посредственного причинения, возможно, не опосредованного последующей уголовной ответственностью лица привлекающего. Использование же воли другого лица с его согласия, в том числе и для совершения преступления, не исключает ответственности привлеченного к совершению преступления. «Если кто-либо согласится на то, чтобы другой употреблял его для своих видов: то с таковым не поступается как с простым средством, а поступается по собственной его воле»³⁹. Однако в каких конкретно случаях такое могло быть, Л. Г. Якоб в своем курсе не указывает.

На рубеже XVIII–XIX вв. в России уголовное право читается в том числе и как часть курсов естественного права. При этом естественно-правовые воззрения, без сомнения, сказываются на подаче уголовно-правового материала, формируя его объем и характер. В основном внимание уделяется основным уголовно-правовым категориям – преступлению, наказанию, субъекту преступного деяния и его психическому отношению к преступлению. Институты, сопутствующие преступлению, практически не рассматриваются или рассматриваются достаточно поверхностно. Обработка положительного права, отразившаяся в проектных работах, значительно опережает его естественно-правовое обоснование.

³⁸ Якоб Л. Г. Естественное и народное право для гимназий Российской Империи. СПб., 1817. С. 15.

³⁹ Там же. С. 16.

Что касается института совместного совершения преступления, то он остается в известной степени малоинформативным. Упоминания об основных категориях института фрагментарны и не систематизированы. Речь в основном идет либо о коллективных субъектах совершения преступления, либо о сугубо индивидуальном, личностном подходе, что вполне в духе теории естественного права. Однако справедливости ради необходимо отметить, что практически все представители естественного права касаются вопросов посредственного причинения, которое выводится ими из невозможности человека отвечать за совершённое преступление в случае, когда воля его блокирована психическим принуждением со стороны другого лица.

В неменьшей степени, чем научные труды представителей школы естественного права, на российских исследователей оказали влияние произведения французских и итальянских просветителей и гуманистов XVIII в.⁴⁰ Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве было тесно связано с гуманистическими идеями буржуазного просвещения XVIII в. «Представители просветительно-гуманистического направления, — пишет Ф. М. Решетников, — требовали до конца разрушить феодальное законодательство и феодальную юстицию, основанную на жестокости, несправедливости и произволе, заменив их правосудием, строящимся на принципах гуманности, равенства, добра и справедливости»⁴¹.

Базировались на принципах естественного права и либеральные политические идеи Ш. Монтескье. Именно его Ф. М. Решетников считал основателем просветительно-гуманистического направления в уголовном праве. Монтескье

⁴⁰ Согласно точке зрения А. А. Пионтковского, не только постановления буржуазного уголовного законодательства, но и основы теории соучастия в буржуазной науке уголовного права ведут свою историю от французского уголовного законодательства 1791 и 1810 гг. (См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 498).

⁴¹ Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. М., 1965. С. 4.

первым приступил к разработке программы уголовно-правовых реформ, которые должна была осуществить грядущая буржуазно-демократическая революция⁴².

Ш. Монтескье не занимался в своих трудах вопросами научной разработки совместного совершения преступления, но в работе «О духе законов» более тридцати раз упоминает о заговоре, как самой распространенной форме коллективного преступления против монархов⁴³.

Большой популярностью в России пользовалась книга известного итальянского просветителя и гуманиста Ч. Беккариа. Как полагает Решетников, история уголовного права и правосудия не знает труда, который по силе и длительности своего воздействия на современников был бы равен этой книге, написанной не юристом-практиком и не ученым-правоведом⁴⁴. Правда некоторые советские исследователи именно его называли основателем классического направления в уголовном праве⁴⁵. Б. С. Ошерович полагает, что на уголовно-правовые воззрения Ч. Беккариа серьезное влияние оказали произведения Ш. Монтескье⁴⁶.

Размышляя о необходимости в меньшей степени наказывать покушение, нежели оконченный состав, Ч. Беккариа далее пишет: «То же относится и к случаю, когда имеется несколько сообщников в преступлении, но не все являются непосредственными исполнителями, а участвуют в нем по-разному»⁴⁷. Эта глубоко философская мысль фактически положила начало изменению концептуального подхода в формирующейся доктрине уголовного права к наказуемости соучастников в совершении преступления. До этого момента все соучастники наказывались преимущественно в равной степени. Б. Маньковский в этой связи отмечает, что Ч. Беккариа стремился усилить наказание за соучастие, считая,

⁴² Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. С. 7.

⁴³ См.: Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 2019. С. 66, 91.

⁴⁴ Решетников Ф. М. Беккариа. М., 1987. С. 5.

⁴⁵ См.: Исаев М. М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века. М., 1947. С. 3.

⁴⁶ Ошерович Б. С. Чезаре Беккариа // Советское государство. 1938. № 4. С. 99.

⁴⁷ См.: Чезаре Беккариа О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 378.

что опасное сообщество нарушает уклад общественных отношений гораздо в большей степени, нежели одно лицо. Законы должны в как можно меньшей мере способствовать согласию соучастников между собой и наказывать исполнителя преступления строже, чем остальных. Именно в этом случае соучастникам будет сложно искать исполнителя⁴⁸. Ф. М. Решетников обосновывает в своей работе мысль, что в таком случае само преступление просто не может состояться⁴⁹. В то же время Ч. Беккариа считал абсолютно неприемлемым применение пыток к обвиняемым с целью выявления возможных соучастников совершённого преступления. Подобное приводит к тому, что человеком, единственная цель которого – избавление от мучений, очень часто называются имена людей, которые никакого отношения к совершению преступления не имеют⁵⁰. В России работы Ч. Беккариа были переведены и опубликованы только в 1803 и 1806 гг.

Несомненный интерес представляли труды французского революционера и одного из видных деятелей Просвещения Ж.-П. Бриссо. В своей «Теории уголовных законов» исследователь рассматривает и вопросы совместного совершения преступления. И хотя в своей работе вопросам соучастия Бриссо уделяет не очень много внимания, некоторые исследователи считают, что именно он заложил новые основы теории соучастия. Соучастником исследователь считает того, кто прямо, косвенно или советом умышленно и по доброй воле участвует в совершении преступления. Наказывая его, необходимо выяснять степень содействия преступлению и причинению ущерба. А наказание соучастнику должно быть соразмерным его частичной вине⁵¹.

Луи де Жокур, являвшийся одним из составителей издания «Энциклопедия наук, или Толковый словарь наук,

⁴⁸ Маньковский Б. Чезаре Беккариа и наука уголовного права // Советское государство. 1938. № 4. С. 106.

⁴⁹ Решетников Ф. М. Беккариа. С. 71.

⁵⁰ См.: Маньковский Б. Чезаре Беккариа и наука уголовного права. С. 104.

⁵¹ См.: Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. М., 1962. С. 134–135.

искусств и ремесел», в своей статье рассматривал среди прочего вопросы соучастия в преступлении. Один из основных тезисов Жокура о том, что ответственность соучастников должна определяться исключительно из степени участия в совершённом преступлении. Ответственными за соучастие могут быть только те, кто дал согласие на участие в совместном совершении преступления. При определении ответственности за соучастие в преступлении, совершённом толпой, должно быть проявлено максимум милосердия⁵².

Поверхностно в своей работе «План уголовного законодательства» уделяет внимание вопросам совместного совершения преступления Жо.-П. Марат. Они рассматриваются им в основном применительно к конкретным видам преступлений, предусматриваемым Особенной частью. Возможно, именно поэтому исследователь не считает необходимым рассматривать их в каком-то одном разделе Общей части. Он, в частности, полагает, что любое лицо, которое прямо или косвенно помогает совершить преступление, должно признаваться совершившим данное преступление⁵³. Все участники, и прямо, и косвенно давшие согласие на совершение преступления, должны, по мнению Жо.-П. Марата, наказываться одинаково. Но, в отличие от феодальной доктрины о соучастии, наказуемость участников в одинаковой степени возможна только тогда, когда будет четко установлен умысел на участие в преступлении⁵⁴.

Одной из самых знаковых фигур среди французских просветителей-гуманистов, оказавших значительное влияние на формирование института совместного совершения преступления как в теории, так и в законодательстве, являлся Луи Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо (М. Лепелетье). Он стал одним из основных авторов проекта революционного уголовного кодекса Франции 1791 г. (УК Франции

⁵² См.: Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия ... С. 74.

⁵³ Там же. С. 187.

⁵⁴ См.: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. Свердловск, 1960. С. 20.

1791 г.). М. Лепелетье жестко критиковал правосудие дореволюционной Франции и доказывал необходимость построения нового уголовного закона на совершенно иных принципах. Так, им обосновывался принцип справедливости, который должен был учитывать соотношение строгости наказания с характером и степенью общественной опасности преступления и соразмерность наказаний в различных по характеру преступлениях. Кроме того, М. Лепелетье доказывал необходимость создания гуманного уголовного закона, положения которого в то же время не могли бы привести к безнаказанности преступления⁵⁵. Отстаивал он и принцип соответствия между природой преступления и природой наказания, обращая при этом внимание, что речь в данном случае не идет о принципе талиона⁵⁶.

Как отмечает Ф. М. Решетников, М. Лепелетье и другие составители УК Франции 1791 г. по «неизвестным соображениям» вынесли вопросы ответственности за соучастие в самостоятельный раздел и поместили его не в Общей, а в Особенной части уголовного кодекса. М. М. Исаев, в частности, полагает, что данный раздел логически должен быть отнесен к положениям общего характера⁵⁷.

Самым важным положением, характеризующим институт совместного совершения преступления, являлось то, что в новом кодексе значительно ограничивался круг лиц, которые могли быть привлечены за соучастие в совершении преступления. Новый закон недоносительство и попустительство перестал рассматривать как уголовно-наказуемые деяния. Дореволюционным уголовным правом Франции недоносительство и попустительство наказывались исключительно применительно к государственным преступлениям и

⁵⁵ См.: Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. С. 56–57.

⁵⁶ См.: Французский уголовный кодекс 1810 года. М., 1947. С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 20.

приравнивались к соучастию⁵⁸. Укрывательство наказывалось только в том случае, если речь шла об укрывательстве заведомо краденого имущества.

Подстрекательство могло быть наказуемым только в случае реального совершения преступления. Четко определялись способы, с помощью которых могло быть осуществлено подстрекательство к совершению преступления. К ним относились подарки, приказы, угрозы, а также прямое публичное подстрекательство. Одинаково с исполнителями преступления карались так называемые прямые публичные подстрекатели, т. е. те, кто склонял к совершению преступления путем публично произнесенных речей, расклеивания плакатов или призывающих афиш, а также сочинений, которые изданных типографским способом⁵⁹.

Пособничество, совершённое заведомо с намерением совершить преступление, предполагало доставку средств, оружия и орудий совершения преступления, содействие виновному в подготовке и иное пособничество⁶⁰.

Наказуемость подстрекательства и пособничества, как мы уже отметили, имела одну характерную особенность — наказывались указанные лица только тогда, когда преступление уже было совершено. Здесь очень важным аспектом, согласно точке зрения А. Н. Трайнина, является тот, в соответствии с которым к ответственности указанные соучастники привлекаются только в случае привлечения к ней исполнителя. По мнению исследователя, это первое упоминание об акцессорной природе соучастия в преступлении, когда ответственность иных соучастников напрямую зависит от наличия или отсутствия ответственности непосредственного исполнителя преступления⁶¹. Позже все эти законода-

⁵⁸ См.: Французский уголовный кодекс 1810 года. С. 27.

⁵⁹ Там же. С. 28.

⁶⁰ См.: Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 1. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. С. 61–62.

⁶¹ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 12–13.

тельные установления УК Франции 1791 г. были перенесены в Уголовный кодекс Франции 1810 г. (УК Франции 1810 г.) и расширены⁶².

Формирование общих правовых принципов законности, справедливости и гуманизма представителями просветительно-гуманистического направления в Европе конца XVIII в. происходило не только в общем нормативно-концептуальном плане. Эти принципы сразу же интегрировались в различные уголовно-правовые категории и институты, в том числе и в институт совместного совершения преступления. Наиболее отчетливо это прослеживалось в теоретическом обосновании вопросов наказуемости действий соучастников, где главную роль играли характер и степень участия лиц в совместном совершении преступления.

§ 1.2. Труды немецких криминалистов-классиков как ориентир для формирования института совместного совершения преступления в уголовном праве России в XIX в.

В конце XVIII – начале XIX в. в Европе и в том числе в России начинает господствовать эпоха классической школы уголовного права, основу которой составили:

- идеи УК Франции 1810 г.;
- уголовно-правовые концепции немецких философов-идеалистов Канта и Гегеля;
- взгляды немецкого юриста П. И. А. Фейербаха;
- идеи сторонников движения за реформу уголовного права Англии⁶³.

И если, как мы уже отметили, представители просветительно-гуманистического направления осуществляли интеграцию провозглашенных ими принципов в «живую ткань»

⁶² Более подробно см.: Георгиевский Э. В. Совместное совершение преступления в истории уголовного законодательства. М., 2019. С. 58–62.

⁶³ Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 2. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. М., 1966. С. 3.

права, то то же самое нельзя сказать в отношении представителей классического направления в уголовном праве. Так, Н. Г. Иванов полагает, что, восприняв идеи просветителей и гуманистов, классики отвергли важнейшую часть учения своих предшественников, которая выражалась в положении о необходимости раскрытия социального содержания нормативных положений. «Для классической школы на протяжении всей истории ее развития, – пишет Н. Г. Иванов, – был и остается характерным отказ от социологического исследования уголовно-правовых вопросов. Представители этой теории склонны полагать уголовно-правовые нормы, институты в качестве “вечных”, внеисторических. Наука уголовного права конструируется ими исключительно как “чисто юридическая”. Они считали, что юридической науке чуждо по самой ее природе социологическое исследование, которое может представлять интерес для социологов, психологов, антропологов, но во всяком случае находится за пределами науки уголовного права. Таким образом, любое социологическое влияние, любая попытка исследовать институты уголовного права с социологических позиций объявлялась ересью и отвергалась»⁶⁴.

Согласно точке зрения Б. С. Ошеровича, классическая школа уголовного права по своим идеям и внутреннему догматическому содержанию была неоднородной в XVIII и XIX вв. «В основе классической школы уголовного права XVIII века лежат учения французских материалистов и сенсуализм Локка, в основе же классической школы XIX века – учение немецкого идеализма, учение Канта и Гегеля»⁶⁵. Как полагает А. Б. Баумштейн, идеи классической школы уголовного права конца XVIII – середины XIX в. можно охарактеризовать как *ранний классицизм*. С середины XIX в. и до начала XX в. продолжался период *зрелого классицизма*⁶⁶, в

⁶⁴ Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект. Саратов, 1991. С. 20.

⁶⁵ Ошерович Б. С. Чезаре Беккариа // Советское государство. 1938. № 4. С. 99.

⁶⁶ Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права: этапы исторического развития // Закон и право. 2013. № 12. С. 70.

развитие которого уже существеннейший вклад внесла и наука уголовного права России.

В 1810 г. в России было переведено⁶⁷ сочинение доктора П. И. А. Фейербаха, который являлся одним из представителей и основоположников классической немецкой школы уголовного права⁶⁸. Перевод данного труда оказал серьезное моральное влияние на русских ученых и способствовал методологическому переходу от комментирования законодательных памятников к научно-догматическому построению уголовного законодательства. Переводчик, согласно данным Г. С. Фельдштейна, не только добавил к работе П. И. А. Фейербаха множество догматических положений, но и ввел в научный оборот большое количество уголовно-правовых терминов, до этих пор неизвестных доктрине русского уголовного права. «Автор этих скромных по внешнему виду прибавлений, – писал Г. С. Фельдштейн, – дал в действительности первую систематизацию наших уголовно-правовых постановлений в таком расположении, которое считалось с их внутренней сущностью, и вместе с тем научное построение материала нашего положительного уголовного законодательства»⁶⁹.

Воззрения П. И. А. Фейербаха коренным образом отличались от точек зрения на совместное совершение преступления предшествующих исследователей эпохи феодального государства, когда господствовал принцип огульного наказания всех соучастников преступления⁷⁰. Так, например, предлагал считать соучастниками преступления даже адвокатов Жусс, являвшийся одним из идеологов феодальной

⁶⁷ Согласно сведениям Г. С. Фельдштейна, перевод осуществил профессор Санкт-Петербургского университета П. Д. Лодий (Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 386.).

⁶⁸ Принято считать, что П. И. А. Фейербах был первым представителем классической школы, собственно, только и исключительно в области уголовного права (Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права: этапы исторического развития // Закон и право. 2013. № 12. С. 70).

⁶⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 291–292.

⁷⁰ См.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 14.

юстиции и представителем ортодоксально-феодалного уголовного права⁷¹. Фейербах же, согласно точке зрения А. Н. Трайнина, проблему соучастия разрешил в «общем плане прогрессивных идей, навеянных победами капиталистических отношений над старым, феодальным миром»⁷². Хотя справедливости ради необходимо отметить и не очень лицеприятные оценки научного наследия П. И. А. Фейербаха в советской юридической литературе, что, очевидно, во многом вызывалось серьезнейшей политизацией правовой науки в целом и уголовного права в частности⁷³.

Для того чтобы правильно уяснить концепцию совместного совершения преступления П. И. А. Фейербаха, необходимо прежде обратиться к его трактовке состава преступного деяния. Понимая состав преступления не только с точки зрения уголовно-материальной, но и уголовно-процессуальной, ученый отдает предпочтение объективным критериям. Объективность существования уголовно-правового запрета у него взаимосвязана с объективностью факта совершения преступления. Наличие же умысла есть лишь необходимый атрибут запрета определенных умышленных деяний и объективного факта, нарушающего запрет. Объективность критериев уголовной ответственности в прагматической концепции совместного совершения преступления у П. И. А. Фейербаха далеко не случайна. Вот что по этому поводу пишет А. Ю. Ширяев: «Во-первых, состав преступления по П. А. Фейербаху определяет только “особенное деяние”, которое запрещено нормами объективного права, т. е. деяние, состав которого описан в позитивной (Особенной) части уголовного права. Во-вторых, состав преступления – совокупность признаков, имеющих объективное выражение, т. е.

⁷¹ См.: Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. С. 9.

⁷² Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 14.

⁷³ См.: Исаев М. М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века. М., 1947. С. 22.

объективируемых, проявляющихся фактически, познаваемых и доказываемых как факт объективной действительности»⁷⁴.

Еще более категорично по поводу видения П. И. А. Фейербахом состава преступления высказывался А. А. Пионтовский. Он считал, что немецкий ученый к составу преступления относил только лишь объективные элементы и признаки преступного деяния, а вину в форме умысла и неосторожности, которую он отождествлял с субъективной стороной состава преступления, он рассматривал как совершенно отдельное условие уголовной ответственности наряду с составом преступления⁷⁵. Однако вместе с тем А. А. Пионтовский предостерегает от упрощенного понимания П. И. А. Фейербахом состава преступления исключительно только как объективной конструкции. Вынос вины за пределы состава преступления носила лишь технический характер и никоим образом не влияла на итог – установление всех объективных и субъективных условий уголовной ответственности⁷⁶. Согласно точке зрения Ф. М. Решетникова, П. И. А. Фейербах и в вопросах наказуемости соучастников отстаивал объективные критерии, полагая, что преступная деятельность подстрекателей и пособников должна наказываться в зависимости от их роли в преступлении⁷⁷. А М. И. Ковалев саму теорию соучастия Фейербаха называл объективной, так как в основу деления различных соучастников на виды были положены объективные признаки⁷⁸.

Очевидно, что в свете всего вышесказанного далеко не случайно и название главы, которую П. И. А. Фейербах посвящает вопросам совместного совершения преступления, –

⁷⁴ Ширяев А. Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 55–56.

⁷⁵ См.: Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. 2. Преступление. С. 106–107.

⁷⁶ Там же. С. 109–110.

⁷⁷ Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 2. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. С. 34.

⁷⁸ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. С. 135.

«Различный образ сцепления причин или побуждений действующего лица для противозаконного последствия». Автор рассматривает вопросы совместного совершения преступления именно с объективной внешней стороны в первую очередь (сцепление причин), и, только во вторую очередь со стороны субъективной (сцепление побуждений).

Рассуждая о различном образе сцепления причин или побуждений действующего лица для противозаконного последствия, т. е. рассуждая одновременно о субъекте преступления и причинной связи между его действиями и наступившим преступным результатом, называет такое лицо виновником, несмотря на то, непосредственной ли причиной результата является такое лицо или посредственной, главное, чтобы она являлась причиной действующей (собственно причиной определенного наступившего результата). В первом случае лицо само непосредственно совершает преступление (это физический или самодеятельный виновник). Во втором возможны два варианта:

а) лицо умышленно «наклоняет» волю другого для совершения преступления, в этом случае виновник именуется прямо-посредственным или умодетельным;

б) лицо устраняет препятствия («отвращает препоны»), при наличии которых лицо, воля которого уже была наклонена к совершению преступления, не способно совершить преступление самостоятельно — это непрямо-посредственный виновник или главный помощник⁷⁹.

Интересным в этой связи представляется замечание Н. С. Александровой и Н. В. Баранкова. Авторы полагают, что умодетельный виновник, согласно П. И. А. Фейербаху, подлежит более строгому наказанию, так как именно в его деятельности лежит главное основание совершения преступления. Более того, должна меняться в зависимости от формы воздействия на физического исполнителя и наказуемость действий умодетельного виновника. Однако в работе

⁷⁹ Фейербах П. И. А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 42–43.

Фейербаха нет какого-либо разграничения между подстрекательством и посредственным причинением, а значит и подстрекатель, и посредственный причинитель в равной степени являются авторами преступления⁸⁰.

Наряду с существованием действующей причины, есть причины побочные (то, что понимается сегодня как необходимое условие). А лица, которые руководствуются побочной причиной и только лишь способствуют наступлению преступного результата, являются помощниками совершения преступления. Помощники – те, кто принимает участие в совершении преступления, но своими деяниями не причиняют непосредственного преступного результата. Содействие помощника виновнику состоит в облегчении возможной деятельности последнего. Выразаться это может в трех вариантах: а) содействие в совершении самого преступления; б) в получении выгод от преступления; в) в обеспечении безопасности после совершения преступления («от законных следствий дела»). При этом главным моментом является разновременное оказание помощи (до, во время или после совершения преступления) и либо физическое оказание такой помощи, или заранее данное обещание такую помощь оказать⁸¹. Здесь необходимо обратить внимание на один очень важный момент в работе автора, в котором он отличает интеллектуального пособника от подстрекателя. «Помощник по обнаружению сил душевных» может быть только тогда, когда воля виновника уже «наклонена к делу». То есть речь идет о том, что интеллектуальный пособник не склоняет другое лицо к совершению преступления, в отличие от подстрекателя⁸².

Помощник может быть как положительным, т. е. способствовать совершению преступления активными действиями, либо отрицательным, когда он «противодолжностным

⁸⁰ Александрова Н. С., Баранков Н. В. Уголовно-правовая оценка посредственного исполнения преступления в зарубежном уголовном праве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2001. № 4 (17). С. 147.

⁸¹ Фейербах П. И. А. Уголовное право. С. 47.

⁸² Там же. С. 48.

упущением споспешествует делу другого»⁸³. Действия помощника, помимо прочего, могут быть непосредственной ближайшей помощью или посредственной отдаленной помощью. В первом случае П. И. А. Фейербах приводит пример с удержанием жертвы, когда виновник ее убивает. Во втором приводится помощь в виде сообщения информации о местонахождении жертвы. Очевидно, что речь здесь действительно идет об интеллектуальном пособничестве в виде передачи информации, а вот ситуация с первым случаем в современном уголовном праве рассматривается как действие соисполнителя.

Помощник, согласно теории соучастия П. И. А. Фейербаха, может также обладать или не обладать специальными признаками. Особенный помощник – это тот, кто обладает теми же специальными признаками, что и исполнитель (виновник). При отсутствии таких специальных признаков помощник признается общим⁸⁴. Нужно отметить, что в современном уголовном праве России такое выделение специальных признаков для пособника не является актуальным. Пособник, будучи лишь вменяемым физическим лицом, достигшим соответствующего возраста, в соответствии со ст. 34 УК РФ может нести ответственность и за соучастие в преступлении, объективную сторону которого может выполнить только специальный субъект.

В целом участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления Фейербах называет сообщничеством или совокуплением преступников. Исследователь определяет два вида соучастия. Во-первых, совместное совершение преступления соисполнителями, и во-вторых, совместное совершение преступления исполнителей (соисполнителей) и помощников. То есть фактически речь идет о выделении простого и сложного видов соучастия в современном понимании. При этом простое соучастие, в свою очередь, подразделяется на участие, в котором все соисполнители в полном

⁸³ Фейербах П. И. А. Уголовное право. С. 47–48.

⁸⁴ Там же. С. 49–50.

объеме выполняют объективную сторону состава преступления и на соучастие, при котором действия соисполнителей являются взаимообусловленными, т. е. когда каждый из них выполняет только соответствующую часть объективной стороны состава преступления⁸⁵.

Сложное соучастие также дифференцируется П. И. А. Фейербахом на два подвида.

1. Умодеятельные виновники участвуют в совершении преступления путем дачи советов, приказов, препоручений или угроз, а самодеятельные виновники выполняют при этом объективную сторону состава преступления, то такой подвид сложного соучастия называется односторонним или несмешанным. Как полагает А. А. Пионтковский, наказуемость в данном случае подстрекательства должна меняться в зависимости от его формы. Подстрекательство в форме приказа должно наказываться строже, чем, например, подстрекательство в форме совета⁸⁶.

2. Умодеятельные виновники соучаствуют с самодеятельными в качестве как побуждаемых, так и побуждающих (очевидно оказывают взаимное воздействие друг на друга), то тогда это сговор или заговор. Заговор П. И. А. Фейербах определяет как ситуацию, при которой «многие по взаимному обещанию друг другу помощи, согласятся общественно учинить преступление и обяжутся общественно произвести оное в действо»⁸⁷. Заговор исследователем понимается в двух аспектах.

1. Сам факт осуществления сговора превращает лицо в умодеятельного виновника, который становится таковым, хотя еще и не принял участия в совершении какого-либо преступления.

2. В том случае, когда вступление в заговор лица осуществляется с целью участия не в одном преступлении, а в нескольких, речь идет о шайке.

⁸⁵ Фейербах П. И. А. Уголовное право. С. 44.

⁸⁶ Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 115.

⁸⁷ Фейербах П. И. А. Уголовное право. С. 46.

Выделяет П. И. А. Фейербах и прикосновенность к преступлению, которую называет благоприятствованием. Благоприятствовать преступлению может тот, кто после совершения преступления заведомо принял в нем участие. Благоприятствование может осуществляться следующими способами:

- добровольным принятием участия в выгодах дела;
- через сокрытие или покупку предметов, добытых преступных путем;
- сокрытием самого преступника⁸⁸.

Нужно сказать, что П. И. А. Фейербах рассматривал вопросы совместного совершения преступления не только в первой книге, которая называлась «Философическая или всеобщая часть уголовного права», но и второй – «Положительная или особенная часть уголовного права» применительно к отдельным видам преступлений. Однако во введении исследователь делает существенную оговорку о том, что знание о преступлениях особенных могут быть почерпнуты исключительно из самих законов или интерпретированы путем толкования последних. Будучи членом-корреспондентом Российской Императорской о составлении законов Комиссии, он приводил в сносках примеры законодательства, не только русского, но и римского, а также немецкого.

Так, добровольный отказ от участия в заговоре, направленном на государственную измену, одним из участников, выраженный в явке с повинной, мог являться основанием от освобождения от наказания и, возможно, даже предполагал награду⁸⁹. Такому же наказанию, как и исполнитель фальшивомонетничества, подлежали и соисполнители, а также непосредственные помощники. К ним, в частности, относились те, кто от фальшивомонетчика брал фальшивые деньги и реализовывал их как настоящие, достоверно зная об этом, а также те, кто, ведая об этом, не донесли началь-

⁸⁸ Фейербах П. И. А. Уголовное право. С. 50.

⁸⁹ Фейербах П. И. А. Уголовное право. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права: с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. СПб., 1811. С. 12.

ству или кто предоставил свой дом для фальшивомонетничества. В этом случае дом, как и конфискованная фальшивая монета, подлежал передаче казне⁹⁰. Заговор мог быть приготовлением к бунту. В бунте выделяются зачинщик (возмутитель), т. е. лицо, организовавшее бунт (создавшее скопище), и лицо, руководящее скопищем. Этих лиц необходимо отличать от простых бунтовщиков – участников скопища, которые должны наказываться менее строго⁹¹. Рассматривались вопросы соучастия П. И. А. Фейербахом и применительно к убийству. Выделялись нанимающий и нанимаемый (подкупленное убийство), отдавший приказ на убийство и выполнивший приказ (порученное убийство).

Особого внимания заслуживает вопрос назначения наказания за убийство, совершённое в соучастии. Так, если при убийстве наряду с самодеятельным виновником действует виновник умодетельный, то оба они подлежат одинаковому наказанию. Если умысел умодетельного виновника был направлен на причинение вреда здоровью, а физический виновник причинил смерть, то подобное должно рассматриваться по правилам эксцесса исполнителя – за смерть отвечает только физический виновник⁹².

Интересными представляются и рассуждения П. И. А. Фейербаха относительно случаев совместного причинения смерти при убийстве, которые не относятся к соучастию. «Ежели многие независимо один от другого (следовательно без предварительного соумышления), – пишет исследователь, – действовали при убийстве, и 1) только один убиенного смертельно ранил: то по правилу сего одного как убийцу казнить должно смертью (отсечь голову); а буде 2) убиенный от многих получил раны, из коих каждая особо смертельна, тогда а) ранивший напоследок казнен быть имеет отсечением головы, а прочие подвергаются чрезвычайному наказанию; б) буде же неизвестно, кто именно при-

⁹⁰ Фейербах П. И. А. Уголовное право. Книга вторая ... С. 23–24.

⁹¹ Там же. С. 42–46.

⁹² Там же. С. 64.

чинил смертельную рану, то должно употреблять произвольные наказания; 3) если нанесенные многими раны только в совокупности их смертельны, тогда все терпят чрезвычайное наказание»⁹³.

Одинаково с исполнителями похищения людей наказывались и помощники⁹⁴. В сводничестве как плотском преступлении сам сводник, по мнению П. И. А. Фейербаха, являлся только помощником, хотя состав преступления был сконструирован таким образом, что сводник в конечном итоге являлся исполнителем, который должен был наказываться значительно строже, чем те, кто участвовал в нем⁹⁵.

Рассматривая в целом вопрос о наказуемости соучастников, П. И. А. Фейербах считает, что в целом пособники подлежат меньшему наказанию, нежели исполнители потому, что их действия заключают в себе меньшую опасность для нарушения права. Подстрекатель же, наоборот, подлежит большей ответственности, чем физический исполнитель⁹⁶. А. Н. Трайнин отмечает, что согласно учению о совместном совершении П. И. А. Фейербаха, пособник не мог отвечать за покушение на преступление, так как не мог сам довести преступление до конца⁹⁷.

Взгляды Фейербаха на множественность лиц, участвующих в совершении преступления, носили преимущественно объективный характер. Это с неизбежностью вытекало из более общего подхода исследователя к норме в целом и составу преступления в частности. Норма, будучи объективной, в первую очередь нарушалась объективными действиями участвующих в совершении преступления, как явления также объективной действительности. Однако субъективная сторона также имела важное значение, рассматривалась как обязательное условие уголовной ответственности.

⁹³ Фейербах П. И. А. Уголовное право. Книга вторая ... С. 65–66.

⁹⁴ Там же. С. 97.

⁹⁵ Там же. С. 306–307.

⁹⁶ См.: Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. С. 115.

⁹⁷ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 15.

сти, хотя и во вторую очередь. Объективные критерии сложились в концепции П. И. А. Фейербаха и в основание разделения ролей соучастников, предопределяя условия их наказуемости. Исследователь комплексно подходил к вопросам совместного совершения преступления, рассматривая не только базовые понятия в Общей части уголовного права, но и отдельные случаи в Особенной части. Им также достаточно подробно прорабатывался вопрос об особенностях наказуемости лиц, совместно участвующих в преступлении. Вклад в российскую науку уголовного права П. И. А. Фейербаха сложно переоценить. Его учебник, который цитируют на протяжении вот уже более двухсот лет, не потерял своей актуальности и сегодня, особенно в части таких сложных и противоречивых вопросов, как вопросы института соучастия.

В 1865 г. в России Н. А. Неклюдовым был переведен и издан учебник профессора Берлинского университета А. Ф. Бернера. В России А. Ф. Бернер был причисляем к представителям классической школы уголовного права, и имя этого ученого в России было известно достаточно давно. В. Саблер, М. П. Чубинский, П. И. Люблинский изучали по его работам отдельные вопросы уголовного права⁹⁸. Н. А. Неклюдов в предисловии к изданию объясняет причины перевода данной книги. Согласно его точке зрения, изданный в 1863 г. первый академический учебник⁹⁹ по уголовному праву В. Д. Спасовича, несмотря на то, что был «хорошим в частностях и отличающийся полнотою»¹⁰⁰, серьезно грешил в теории. «Я избрал Бернера, – пишет Н. А. Неклюдов, – по той простой причине, что это самый ясный и в тоже

⁹⁸ Голобокова О. В. А. Ф. Бернер: путь в науку // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 26.

⁹⁹ Справедливости ради необходимо заметить, что существуют и иные оценки учебника В. Д. Спасовича. Так, в частности, согласно сведениям О. Г. Бодуновой учебник Спасовича был признан некоторыми его современниками лучшим для своего времени, а автор учебника – первым представителем науки уголовного права в собственном смысле слова. (Бодунова О. Г. Юридическое наследие В. Д. Спасовича // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 10. С. 142.)

¹⁰⁰ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. Часть общая. СПб., 1865. С. VII.

время убористый, самый общепонятный и в тоже время толковый, самый краткий и в тоже время дающий понятие обо всем существенном, словом, что это – самый пригодный учебник не только для студентов, но и для юристов-практиков»¹⁰¹.

Совместному совершению преступления А. Ф. Бернер посвящает раздел 3 под названием «Участие в преступлении». Под участием в преступлении ученый понимает совместное действие нескольких лиц, которое может быть приведено к общности вины (совиновничеству). Соучастие, по мнению исследователя, может иметь общую форму, которая органически входит в Общую часть уголовного права, так как не связана с конкретным (специфическим) преступлением, или частную, которая обусловлена самим характером некоторых преступлений (дуэль, прелюбодеяние, подкуп)¹⁰². То есть фактически частная форма соучастия, которая органически присуща как раз Особенной части уголовного права, – это так называемое необходимое соучастие в его привычном нам сегодня звучании.

Соучастником преступления называется лицо, учинившее преступление в сообществе с другими. Всех соучастников А. Ф. Бернер подразделяет на два вида: главные виновники (зачинщики) и пособники. Все участники совершённого преступления, согласно мнению исследователя, должны действовать только намеренно (умышленно) и ни в коем случае не неосторожно.

Главный (физический или непосредственный) виновник совершает преступление, выполняя его объективную сторону. Пособник даже частично не выполняет объективной стороны, но облегчает совершение преступления физическому виновнику либо советом (в этом случае он признается интеллектуальным пособником), либо делом (физический пособник). Пособничество должно быть заведомым и простирается ровно настолько, насколько это было обещано исполнителю. Пособничество возможно на стадии формирования и обнаружения умысла, на стадии приготовления и

¹⁰¹ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. С. VII.

¹⁰² Там же. С. 510–511.

на стадии непосредственного выполнения объективной стороны состава преступления. Наказуемость пособника напрямую зависит от наказуемости исполнителя, т. е. пособничество ненаказуемо, если деяние главного виновника «не есть преступление»¹⁰³ – и это главный тезис акцессорной теории соучастия в работе А. Ф. Бернера. С другой стороны, ученый отмечает, что пособничество является наказуемым даже в том случае, если пособник не обладает теми специфическими признаками исполнителя, которые последнему вообще позволяют совершить преступление. Выделяет Бернер среди пособников главных и второстепенных. Главными являются те, без деятельности которых преступление осуществить невозможно в принципе¹⁰⁴. Интересным представляется и рассуждение профессора относительно различия между пособником и исполнителем. Оно состоит не в объеме, а в свойстве деятельности. При этом деятельность пособника может быть весьма обширной, но она никоим образом не должна соприкасаться с выполнением объективной стороны состава преступления. А. И. Рарог также отмечает, что в до-революционном уголовном законодательстве нормы не дифференцировали наказуемость соучастников в зависимости от их вида, хотя в теории очень многие исследователи, в том числе и А. Ф. Бернер, отмечали второстепенную роль пособника¹⁰⁵.

Подстрекательство может быть как к главному физическому виновничеству, так и к пособничеству. Когда подстрекатель склоняет к совершению преступления главного физического виновника, такое подстрекательство называется главным интеллектуальным виновничеством. Главный интеллектуальный виновник должен иметь решительную волю, так как простых легкомысленных речей и просто преступного настроения недостаточно. То есть фактически

¹⁰³ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. С. 516.

¹⁰⁴ Там же. С. 517.

¹⁰⁵ Рарог А. И. Уголовно-правовые средства воздействия на организованную преступность // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 105.

А. Ф. Бернер говорит именно о склонении, а не просто о высказывании некой инициативы о совершении преступления. При этом подстрекательство не должно носить характера насильственного принуждения, так как оно обращено к воле и не призвано ее подавить. И для такого склонения должны быть применены «действительно побудительные средства»¹⁰⁶. Ненаказуемым является подстрекательство, не вызвавшее решимости у другого совершить преступление, так же, как и покушение на подстрекательство. Наказуемость подстрекателя у А. Ф. Бернера вновь находится в строгом соответствии с акцессорной теорией соучастия. Если физический виновник совершает добровольный отказ, не привлекается к ответственности и подстрекатель. Если физический виновник останавливается на стадии покушения, то и подстрекатель может отвечать только за покушение на преступление. Если физический виновник совершает оконченное преступление, то и подстрекатель отвечает за оконченное преступление¹⁰⁷. Добровольный отказ подстрекателя от доведения преступления до конца мог быть учтен в качестве такового только в случае, когда подстрекатель предпринял необходимые для приостановления преступления меры¹⁰⁸.

А. Ф. Бернер в качестве форм соучастия выделяет заговор и шайку. Заговор – это уговор относительно совершения одного или нескольких преступлений, предшествовавший приведению их в исполнение. Под шайкой ученый понимает союз, направленный на совершение целого ряда однородных или разнородных преступлений, из которых каждое не определено еще в отдельности¹⁰⁹. На наш взгляд, А. Ф. Бернер в большей степени приближает заговор к некоему приговорительному действию, направленному на последующее совершение преступления. Это следует из определения понятия заговора, где исследователь использует

¹⁰⁶ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. Часть общая. С. 518.

¹⁰⁷ Там же. С. 520.

¹⁰⁸ Там же. С. 522.

¹⁰⁹ Там же. С. 523–527.

термин «уговор», и из факта наказуемости. А. Ф. Бернер считает, что заговор может быть наказуем только в исключительных ситуациях – в определенных законом особо тяжких случаях. Ученый уходит от устаревшего и закостеневшего понятия заговора как самостоятельного преступления, наказуемого во всех без исключения случаях, предлагая учитывать исключительно личное участие как в самом заговоре, так и в последующем совершении преступления¹¹⁰. Что касается шайки как формы соучастия, то дав ее определение, А. Ф. Бернер не раскрывает каких-либо ее существенных признаков¹¹¹.

Публикация учебника по уголовному праву представителя немецкой классической школы уголовного права А. Ф. Бернера была далеко не случайным событием. Это в целом было свойственно России XIX в., в которой позиции представителей классического направления были настолько сильны, что само это направление в науке уголовного права стало называться господствующим. Сам подход исследователя к учению о соучастии является строго выдержанным в аспекте акцессорной теории. Участие в преступлении А. Ф. Бернер рассматривает в строго определенной последовательности, сначала определяя понятие участия в преступлении с его традиционными формами участия (необходимого и случайного), затем рассматривая виды соучастников и классические формы соучастия в виде заговора и шайки. Такая структура в целом принята и в современной науке уголовного права России. Важным является и тот факт, что исследователь обращается к таким категориям соучастия, которые и сегодня в науке уголовного права продолжают вызывать серьезные споры, – это посредственное причинение и соучастие со специальным субъектом.

¹¹⁰ Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С. 524.

¹¹¹ Там же. С. 526–527.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИИ (последняя четверть XVIII – середина XIX в.)

§ 2.1. Совместное совершение преступления в творческом наследии политиков-публицистов и криминалистов-систематиков России последней четверти XVIII в.

На формирование института совместного совершения преступления в России в последней четверти XVIII в. оказали влияние не только труды западноевропейских криминалистов и политических деятелей. Важными и значимыми были работы писателей, литературных критиков, общественных, политических и государственных деятелей самой России, многие из которых не занимались практической юриспруденцией и не преподавали в учебных заведениях. Это были все те, кого Г. С. Фельдштейн метко называл политиками-публицистами. «Русская политическая литература, поскольку можно говорить о таковой в России конца XVIII в., – пишет Г. С. Фельдштейн, – не исключает из области своего ведения и проблем уголовно-правовых. В ней мы находим ряд мыслей, представляющих чуть ли не самое ценное из всего того, что осталось от нее в наследие будущим поколениям. К вопросам уголовного права политики-публицисты подходят как к той стороне жизни общества, которая наиболее нуждается в реформе в духе начал, призванных оздоровить формы существования культурных народов»¹¹².

¹¹² Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 170–171.

Некоторые из этих политиков-публицистов касались в своих трудах и вопросов совместного совершения преступления.

Интересными представляются рассуждения о совместном совершении преступления П. И. Пестеля. Так, он признавал, что все соучастники (соумышленники) преступления должны подлежать наказанию. Причем для справедливого наказания необходимо различать категории преступлений¹¹³, а также качество и степень совершённых преступлений. Как полагает И. И. Солодкин, П. И. Пестель решал вопрос о наказуемости соучастников несколько в ином ключе, нежели сторонники акцессорной теории соучастия. «Пестель, — пишет И. И. Солодкин, — устанавливал основания ответственности, исходя из индивидуальной вины каждого из соучастников, учитывая, что их вина может быть различна и поэтому различен размер ответственности»¹¹⁴.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают уголовно-правовые взгляды на институт совместного совершения преступления русского дипломата и декабриста Н. И. Тургенева, на воззрения которого безусловное влияние оказал П. И. А. Фейербах. Исходным тезисом соучастия, по мнению Тургенева, являлся тот, в соответствии с которым само соучастие должно рассматриваться исключительно в отношении к лицу. Основой для решения вопросов соучастия являлись понятия вины, преступления и наказания.

По мнению Н. И. Тургенева, необходимо было различать главных виновников преступления и лиц, участвующих в его совершении. Главным виновником преступления исследователь считал того, чья деятельность является пер-

¹¹³ П. И. Пестель различал в своем труде низшую, среднюю и высшую степени преступления. При этом к низшей категории относились преступления, в которых побудительная причина чрезвычайно велика и преступление совершается при сильном волнении. Средняя степень характеризовалась слабой побудительной причиной, когда деяние совершается хладнокровно. Высшая степень отличалась полным отсутствием побудительной причины, когда преступление совершается с особой жестокостью. («Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения ей предшествующие / под ред. М. В. Нечкиной // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М., 1958. С. 285).

¹¹⁴ Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1968. С. 107.

вопричиной совершённого преступления. К данной категории могли относиться руководители, исполнители, подстрекатели и даже пособники. Действия главного виновника могли быть непосредственными (когда главный виновник выступал в качестве исполнителя преступления), а также они могли быть посредственными (когда исполнение преступления осуществлялось иным лицом под воздействием главного исполнителя). Способами воздействия могли быть в этом случае советы, угрозы или приказания. То есть фактически Н. И. Тургенев говорит о посредственном причинении в том числе.

Участниками же являлись те, кто помогал осуществлению преступления, не будучи в силах сами совершить его. Именно невозможность самим совершить преступление и оказание помощи виновнику являлись исходными ориентирами в определении понятия участника. То есть, если рассматривать действия участника в отрыве от действий виновника, они не могли сами по себе привести к преступному результату. Участие в совершении преступления может быть положительным или отрицательным. В первом случае участник должен содействовать путем активных действий, во втором – бездействовать¹¹⁵.

Действия главных виновников, так же, как и действия участников, могли быть непосредственными – когда лицо принимает физическое участие в совершении преступления, либо посредственными (когда участие осуществлялось в форме, например, совета или указания). Выделял Н. И. Тургенев и формы соучастия, к которым относил заговор и шайку. Это выделение осуществлялось на основе анализа степени виновности, степени и свойства соучастия, способа совершения преступления и взаимного соотношения действий соучастников. Заговор, по мнению исследователя, это взаимное обещание преступников действовать общими силами для достижения преступной цели. В этой форме соучастия все должны считаться главными виновниками.

¹¹⁵ Солодкин И. И. Очерки по истории ... С. 154.

Определяя основные положения института соучастия, Н. И. Тургенев делает вывод о том, что для соучастия необходимо либо предварительное соглашение, либо соучастие должно существовать вместе с преступлением таким образом, чтобы исполнитель преступления мог полагаться на помощь в его совершении¹¹⁶.

Различает Н. И. Тургенев соучастие и прикосновенность к преступлению. По мнению автора, если лицо помогает преступнику уже после совершения преступления, не обещав ему заранее помощи, то такое лицо является прикрывателем преступления. Прикрывательство преступления им также разделялось на два вида:

1) положительное – тогда, когда лицо после совершения преступления активно действовало в пользу лица, совершившего преступление (скрывало следы преступления или самого преступника);

2) отрицательное – такое поведение лица, при котором оно, будучи обязанным сообщить о совершённом преступлении в силу различных обстоятельств (например, должностное положение), не делает этого¹¹⁷.

Как правильно замечает Е. В. Епифанова, прикрывателю всегда должно быть известно о преступлении до его совершения¹¹⁸.

В России вплоть до начала XIX в. практически не было профессиональных юридических работ, посвященных институту соучастия, которые бы обладали догматическим характером. Произведения отечественных авторов носили либо собирательный характер, либо в лучшем случае были систематизированы чисто внешним образом. Нужно отметить, что этому во многом способствовало разрозненное и хронологически разновременное законодательство, содержащее нормы уголовно-правового характера. «Но все это,

¹¹⁶ Солодкин И. И. Очерки по истории ... С. 155.

¹¹⁷ Там же. С. 155–156.

¹¹⁸ Епифанова Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 72.

вместе взятое, — писал Г. С. Фельдштейн, — не могло заменить необходимости в научном конструировании уголовного права. Академическое преподавание не давало действительных обобщений и систематизации уголовно-правовых постановлений»¹¹⁹. Тем не менее совместное совершение преступления как юридическое явление, о котором упоминалось в литературе по праву, было знакомо русскому читателю уже в последней четверти XVIII в. именно благодаря трудам отечественных ученых. Правда речь идет о работах, в которых лишь осуществлялась систематизация положений, действующего на Западе права, и в основном с естественно-научных позиций.

Одной из первых таких работ была работа подпоручика А. Артемьева. Рассуждая об условиях наказуемости за совместное совершение преступления, А. Артемьев выделяет три причины, отождествляя их с лицами. Первая причина (ее исследователь считает главнейшей) — это тот, кто побуждает другого к совершению какого-либо действия либо к отказу от совершения. Вторая причина содержится в действии тех, кто воздействует на лицо, до этого уже наставленное на совершение преступления кем-либо другим. Третья причина (содействующая) — это те, кто осуществляет содействие совершению преступления, например предоставлением средств. При этом А. Артемьев делает уточнение, что к этой категории лиц относятся не только содействующие действием, но и те, кто «по содеянии злодеяния другим, делает ему в побеге его всякое вспоможение», «кто с умысла вора укрывает», «...кто пользуется воровскими вещами...»¹²⁰. Однако, перечислив причины, ученый тем не менее никаких выводов об условиях вменения и последующей наказуемости не делает. Разве что рассуждает об определенной осторожности при назначении наказания.

¹¹⁹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 286.

¹²⁰ См.: Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих равномерно как и чиноположения оных историй, сочиненное подпоручиком Алексеем Артемьевым. М., 1777. С. 101–103.

Осуществлялась систематизация российскими «законоискусниками» в том числе и положений действующего российского права и российского права с исторических позиций, но тоже через призму естественного права. В качестве примера подобной систематизации можно привести труд З. А. Горюшкина¹²¹, преподавателя законоискусства в Московском университете в конце XVIII – начале XIX в. В своей работе автор во втором разделении «О правах человеческих» сразу же определяется относительно того, что законы в отношении человека, находящегося вне общества, называются правом естественным, а законы, регулирующие отношения человека с другими людьми, – правом общественным¹²².

Так, рассуждая о праве человека на свое тело и о праве жизни, З. А. Горюшкин упоминает о групповых разбойных нападениях. Рассматривая этот аспект, он говорит о необходимости устанавливать соучастников разбоя, помещая оговоренных в тюрьму до тех пор, пока не сыщется на них порука. При этом З. А. Горюшкин в примечании к рассуждениям указывает несколько законодательных актов XVII и XVIII вв., в которых точно указывает номера статей, предусматривающих подобное¹²³. Нужно отметить, что З. А. Горюшкин был не только законоискусником, свою служебную деятельность он начинал в 1763 г. в Сыскном приказе, где как раз и стал свидетелем страшных пыток и мошенничества, осуществляемого служителями этого заведения. Очень часто подтяжие подговаривали колодников к сознательному оговору какого-либо зажиточного горожанина, которого те обвиняли в соучастии в совершённом ими лихом деле. После горожанина привозили в Сыскной приказ, где

¹²¹ Согласно точке зрения П. К. Вареника, З. А. Горюшкин был одним из первых, кто ввел в преподавание русского законодательства исторический аспект, а также постоянно подчеркивал важность и значимость древних памятников законодательства (Вареник П. К. Концепция становления и развития административного права в работах А. И. Елистратова и З. А. Горюшкина // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № S3-1. С. 69).

¹²² Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. М., 1811. С. 79.

¹²³ Там же. С. 84.

при нем пытали колодников, которые уже отказывались от данных ранее показаний. Горожанин откупался большими деньгами и совершенно счастливый убежал после этого домой¹²⁴.

В разделе «О правах малолетних относительно до уголовных преступлений» исследователем говорится о необходимости искать соучастников, достигших совершеннолетия, которые вместе с малолетними совершали преступление¹²⁵. Попыток же осуществить догматическую переработку законодательного текста З. А. Горюшкин не предпринимает.

Упоминает в своем труде о нескольких лицах, совершающих преступление, профессор Московского университета Л. А. Цветаев, которого Г. С. Фельдштейн считал одним из проводников идей школы естественного права в России¹²⁶. Так, рассуждая об обстоятельствах, исключаящих вину лица, Л. А. Цветаев говорит о том, что нет преступления там, где нет свободы в действии в силу в том числе принуждения и насилия. Совершенно очевидно, что Цветаев в данном случае имеет в виду ситуации, называемые на языке современного уголовного права посредственным причинением¹²⁷. Необходимо отметить, что Л. А. Цветаев говорит о посредственном причинении еще в одном месте своего труда – в гл. 5 «Об удовлетворениях», где утверждает, что всякий за себя ответ держать должен за исключением в том числе ситуации, когда воспользовавшийся преступлением должен отвечать за «учинившего оное»¹²⁸.

В § 8е первой главы «О преступлениях и о наказаниях вообще» исследователь утверждает, что преступление будет, помимо всего прочего, и там, где хотя и нет участия в самом

¹²⁴ См.: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3 т. Т. 1. М., 2015. С. 188.

¹²⁵ Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства. С. 234.

¹²⁶ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 364.

¹²⁷ Цветаев Л. А. Краткая теория законов. Часть вторая и третья, содержащие теорию уголовных законов и теорию судопроизводства гражданских и уголовных дел. М., 1810. С. 6.

¹²⁸ Там же. С. 72.

действию, но есть участие в произведении оно́го. Л. А. Цветаев таким образом утверждает, что наказанию должны подлежать не только действия исполнителей и соисполнителей, но и действия иных соучастников, принимающих участие в совершении преступления. Но при этом автор утверждает, что участие в совершении преступления по степени общественной опасности менее важно, нежели непосредственное выполнение его объективной стороны. А в § 13е, опять-таки исходя из степени общественной опасности действий, ученый рассуждает о большей значимости замысла на совершение преступления и его начинания, чем остальных действий соучастствующих лиц. Добровольное признание в совершении преступления и об открытии других его участников должно рассматриваться как обстоятельство, облегчающее тяжесть преступления¹²⁹. Важность преступления, по мнению ученого, определяют также отношения к различным предметам, среди которых упоминаются отношения случайные, в частности количество виновных и обширность заговора¹³⁰.

В более поздней своей работе Л. А. Цветаев фактически повторяет все те же положения, что и в Краткой теории законов. Так, в гл. 1 «О преступлениях и наказаниях вообще» исследователь пишет: «Где не было хотя участия в самом действии преступления, но только в произведении оно́го, там есть преступление; однако вообще участие в преступлении менее важно, нежели само преступление»¹³¹.

Представляет интерес в аспекте рассматриваемой нами темы работа профессора Царскосельского лицея А. П. Куницына, преподававшего курс естественного права. Он уделяет внимание вопросам уголовного права, ограничиваясь при этом рассмотрением лишь общих положений. Анализируя понятие умышленной формы вины, даваемое А. П. Куницыным, Г. С. Фельдштейн приходит к выводу о том, что при таком узком ее понимании исключается возможность

¹²⁹ Цветаев Л. А. Краткая теория законов. С. 7–8.

¹³⁰ Там же. С. 41.

¹³¹ Цветаев Л. А. Начертание теории законов. М., 1816. С. 255.

умышленной деятельности при соучастии¹³². Не оспаривая данных выводов, мы тем не менее рискнули бы предположить, что в своей работе А. П. Куницын все же касается некоторых вопросов института совместного совершения преступления. В частности речь идет о посредственном причинении.

Определяя обиду как преступное деяние, А. П. Куницын различает обиду, совершаемую по желанию действующего лица, когда целью является нарушение права, и обиду, совершаемую без желания, когда преступный результат наступает на основе механического сцепления с действием. В первом случае речь идет об умышленной форме вины, во втором – о неосторожной. Умышленная форма вины предполагает наличие желания лица и полное употребление разума, т. е., иными словами, полную свободу воли при совершении умышленного преступления. Если такой свободы воли нет (она ослаблена какими-либо посторонними причинами), то необходимо устанавливать, насколько эти посторонние причины воздействовали на волю лица¹³³. В конечном счете ответ на этот вопрос и предрешал ситуацию, связанную со вменением. Эти причины, наклоня волю к произведению зла, либо полностью останавливают действие разума, либо уменьшают его. Называются эти причины психологическим принуждением. «Если психологическое принуждение, – пишет А. П. Куницын, – так сильно действовало на разум, что человек мог прийти в самозабвение и только причине онаго учинил противузаконное дело, то он не подлежит вменению»¹³⁴. Если под этими самыми причинами А. П. Куницын понимает не только объективные обстоятельства или различные эмоции самого действующего лица, но и преступную волю другого человека, воздействующего на субъекта преступления, то в таком случае он фактически рассуждает о посредственном причинении.

¹³² Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 370–371.

¹³³ Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. С. 42–43.

¹³⁴ Там же. С. 46.

Г. С. Фельдштейн отмечал, что развитию именно научно-догматической обработки российского уголовного законодательства в конце XVIII – начале XIX в. способствовал, без сомнения, «Наказ» Екатерины Великой¹³⁵.

«Наказ» Екатерины Великой 1767 г. содержит постановления о совместном совершении преступления в ст. 202–203. Сама Екатерина признает, что ее рассуждения очень тонки и сложны, но вполне понятны с точки зрения способов и средств профилактики совершения преступлений. Как полагает М. И. Ковалев, «Наказ» относительно института соучастия стоит на довольно прогрессивных позициях, предлагающих смягчить наказание сообщникам совершения преступления¹³⁶. Мысль Екатерины Великой действительно очень тонка и сложна. Она полагает, что наказуя иных, кроме исполнителя, соучастников в меньшей степени, соучастникам будет трудно сыскать исполнителя преступления по той простой причине, что все соучастники, страшась последствий, пытаются в равной степени разделить опасность на всех. Единственным исключением из данного случая императрица считает найм исполнителя («особое вознаграждение»). Только в этом случае исполнитель должен наказываться строже иных соучастников. Кроме того, рассуждая о возможности смягчения наказания лицу, донесшему на своих сообщников, Екатерина Великая предлагает сделать такое положение всеобщим в будущих российских законах, а не касающимся только преступлений особо тяжких («великих»)¹³⁷. «Таким образом, – резюмирует М. И. Ковалев, – можно констатировать, что наказ содержит объективно прогрессивные требования относительно дифференцированной ответственности всех соучастников преступления, которые представляют собой довольно значительный

¹³⁵ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 290–291.

¹³⁶ Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. С. 57.

¹³⁷ См.: Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. М., 2008. С. 58–59.

отход от основных канонов феодального уголовного права и провозглашение основных принципов буржуазного права»¹³⁸.

Согласно данным ряда исследователей, эти статьи, как и много других положений «Наказа», были практически дословно взяты из произведения Ч. Беккариа¹³⁹.

Идея смещения острия наказуемости с иных соучастников на исполнителя привела к тщательной разработке в доктрине видов соучастников. И в первую очередь это коснулось именно лиц, непосредственно выполняющих объективную сторону состава преступления. Среди них начали выделяться и физические, и интеллектуальные виновники, и зачинщики – те, кто первыми начали выполнять объективную сторону. Очевидно, можно предположить, что выделялись непосредственные и посредственные исполнители. Во всяком случае об этом, как минимум, свидетельствует используемая терминология.

§ 2.2. Первые догматические работы о совместном совершении преступления в русском уголовном праве (начало – середина XIX в.)

Одним из первых в России, кто попытался осуществить догматическое исследование совместного совершения преступления, был профессор И. Нейман. Глава 6 его «Начальных оснований уголовного права» называлась «О соучастии в преступлении». Согласно определению ученого, соучастием в преступлении считалось «всякого рода вспомоществования при совершении преступления, учиненное с намерением»¹⁴⁰. Таким образом, ученый практически сразу же отсекал исполнителей и соисполнителей преступления

¹³⁸Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Ч. 1. Понятие соучастия. С. 57.

¹³⁹ См. например: Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. СХХХ; Зарудный С. Беккариа о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою Х-ю наказа Екатерины II и с современными русскими законами. СПб., 1879. С. 64–66.

¹⁴⁰ Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 65.

от соучастников, называя первых настоящими исполнителями. Те, кто только помогал совершению преступления, именовались сообщниками.

И. Нейман полагает, что наказывать необходимо не только исполнителей преступления, но и сообщников, тем самым как бы «обнажая» существующую в то время неопределенность в этом вопросе. Однако в связи с тем, что деянием сообщника причиняется меньший вред, чем действительным исполнением преступления, то и «надлежит за соучастие в преступлении наказывать менее нежели за действительное совершение онаго»¹⁴¹. Более того, исследователь обосновывает необходимость наказания сообщников, отмечая, что иногда без помощи этих лиц невозможно и совершение самого преступления. А далее исследователь отмечает пробел в современном ему законодательстве, заключающийся в отсутствии нормативных положений, устанавливающих наказуемость соучастия как юридического явления. И предлагает закрепить такие положения, но касающиеся наказуемости соучастия только в наиболее значимых преступных деяниях и в случаях заговора на эти преступления.

Особый род соучастия, по мнению И. Неймана, составляли деяния, суть которых выражалась в помощи (вспомоществовании) преступнику после совершения преступления. Таким образом, прикосновенность к преступлению исследователь относил к виду соучастия. Помимо прочего, покровителями являлись те, кто имел участие в выгодах преступления, одобрял его, утаивал или приобретал вещи. Наказание за подобного рода прикосновенность Нейман также предлагал устанавливать в законе только в случаях совершения «особо важных» преступлений¹⁴².

В 1815 г. коллежский ассессор О. И. Горегляд¹⁴³ издал свою книгу, которая называлась «Опыт начертания российского уголовного права». Сегодня многие исследователи

¹⁴¹ Нейман И. Начальные основания уголовного права. С. 65.

¹⁴² Там же. С. 65–67.

¹⁴³ Согласно сведениям А. И. Чучаева и Ю. В. Грачевой, найти какие-либо биографические данные О. И. Горегляда не представилось возможным. (Чучаев А. И.,

называют этот труд первым учебником по уголовному праву в России. И действительно, это один из первых в России основательных научных трудов, в котором осуществлено системное и обобщенное изложение российского уголовного права¹⁴⁴.

О. И. Горегляд писал, что виновными в совершении преступления почитаются все те, кто не только произвел оное, но и был прикосновенен к преступлению. При этом исследователь, все-таки отличая лиц, участвующих в совершении преступления, от лиц прикосновенных, называет первых сопреступниками. Как полагают А. И. Чучаев и Ю. В. Грачева, к сопреступникам в градации, даваемой О. И. Гореглядом, можно относить не менее двух лиц, которые без склонения со стороны других лиц, самостоятельно содействовали совершению преступления или совершили его¹⁴⁵.

В целом же виновными в совершении преступления О. И. Горегляд предлагает считать:

- того, кто сам или по внушению другого исполнили преступление (очевидно, что это исполнитель и соисполнитель);
- того, кто побудил к выполнению преступления другое лицо различными способами (очевидно, что это подстрекатель и посредственный причинитель, так как среди способов упоминается неведение или ошибка другого лица);
- того, кто перед совершением преступления или во время его совершения содействовал исполнителю предоставлением средств, устранением препятствий и упущением обязанности доноса (очевидно, что речь идет о пособнике, и о недоносителе, как лице прикосновенном к совершению преступления);

Грачева Ю. В. Первый опыт начертания российского уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда) // Уголовное право. 2015. № 2. С. 16).

¹⁴⁴ Упоров И. В. Сочинение Осипа Горегляда 1815 года: к истокам систематизации российского уголовного права // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 27. С. 367.

¹⁴⁵ Чучаев А. И., Грачева Ю. В. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex Russica. 2015. № 3 (Т. С.). С. 118.

• того, кто зная о совершённом преступлении, не донес о нем, укрывал злоумышленника или пользовался плодами совершённого преступления.

В § 16, 17 и 18 О. И. Горегляд формулирует понятие заговора. Однако с уверенностью сказать, имеет ли в виду исследователь заговор как предварительный сговор для совершения любого преступления или же ведет речь о заговоре как самостоятельном преступлении, вряд ли возможно. Мы полагаем, что в § 17 автор говорит о заговоре как самостоятельном преступлении, так как он выделяет новые виды соучастников (зачинщиков и предводителей), а также об исполнении заговора, как самостоятельного преступления. Однако в § 18 О. И. Горегляд делает оговорку, скорее свидетельствующую о том, что заговор – это просто форма соучастия, так как употребляет словосочетание «преступление по заговору», т. е. какое-то преступление осуществляется по заговору¹⁴⁶.

На эти и подобные несостыковки обращают внимание и некоторые современные исследователи творчества О. И. Горегляда. Так, например, С. В. Алексеев полагает, что общие вопросы института соучастия у О. И. Горегляда выглядят гораздо стройнее, нежели частные, касающиеся форм и видов соучастия. «Участники заговора, – говорит С. В. Алексеев, – могли содействовать совершению преступления или выступать непосредственными исполнителями преступления. Подобная трактовка роли соучастников в преступлении, совершённом с предварительным сговором, с одной стороны, как пособников или подстрекателей, а с другой стороны, как непосредственных исполнителей явно вносила путаницу в разработку объективной стороны соучастия в преступлении в общем, и, в частности, в основание классификации соучастников»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 6–8.

¹⁴⁷ Алексеев С. В. Индивидуализация ответственности участников группового преступления в уголовном законодательстве России начала XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2009. № 12 (60). С. 136.

В § 22 Горегляд пишет, что всякое преступление влечет за собой исключительно личную уголовную ответственность. При этом родители не должны отвечать за преступления детей и наоборот. Однако, что касается помещиков и крестьян, здесь ученый подходит с точки зрения выполнения приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния. «Хотя крестьяне обязаны беспрекословно подчиняться своему помещику во всем, касающемся до обязанностей звания их, однако не должны чинить послушания тогда, когда помещик принуждает их к исполнению чего-либо противоправного законам и общественному порядку, ибо в противном случае, как соучастники в преступлении или как самые преступники наказываются»¹⁴⁸.

Очень сложную и во многом запутанную дифференциацию видов совместного совершения преступления через пять лет осуществляет Г. И. Солнцев. Он выделяет большое количество видов соучастия. Очень образно это деление характеризует в частности Г. С. Фельдштейн: «Деления Солнцева отражают на себе самым ярким образом запутанную и переполненную контраверсами доктрину криминалистов начала XIX века по вопросу о соучастии. Категории, которые намечает наш криминалист, зачастую взаимно пересекаются в виду того, что Солнцев утилизирует для целей классификации разные признаки в пределах сходных явлений, не различающихся по существу»¹⁴⁹.

Г. И. Солнцев не дает понятие того явления, которое он сам именует соучастием или сообщничеством в преступлении. Он выделяет следующие виды соучастия («комбинации»):

а) положительное или отрицательное содействие совершению преступления (т. е. содействие действием или бездействием);

б) сотруничество в преступлении;

¹⁴⁸ Горегляд, О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1: О преступлениях и наказаниях вообще. С. 11–12.

¹⁴⁹ Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором... Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. о Г. И. Солнцева Г. С. Фельдштейна, проф. Демидов. юрид. лица. Ярославль, 1907. С. LV.

- в) соучастие умышленное и неосторожное;
- г) по времени оказания содействия – соучастие, осуществляемое до, во время или после совершения преступления;
- д) по характеру оказываемого содействия – соучастие главное, менее главное и побочное;
- е) соучастие непосредственное и ближайшее¹⁵⁰.

Неявно и не очень четко (как отличительные виды соучастия) ученый упоминает следующие формы прикосновенности:

- а) соучастие в выгодах от деяния онаго получаемых;
- б) укрывание преступника или преступного поличного;
- в) недонесение о известном умысле или о воспоследовавшем преступлении;
- г) невоспрепятствование к совершению преступления, когда оное отвратить было невозможно;
- д) одобрение противозаконных деяний.

Кроме того, «особенным родом соучаствования» исследователь считает благоприятствование совершению преступления, к которому относит в основном пристанодержательство¹⁵¹.

Тем не менее недооценивать исследование Г. И. Солнцева совершенно не стоит. Как полагает А. И. Ситникова, дальнейшее развитие учения о соучастии пошло по пути, намеченному именно¹⁵².

Соучастие представляет собой особый род преступления, считал П. Гуляев. В § 8 своей работы он так и называет это явление – преступление соучастия. Соучастие ученый определял как принятие участия в совершении злого намерения и способствование его исполнению словами, письмом, действием и необъявлением о том правительству. Понятно, что последняя форма представляла собой прикосновенность в форме несообщения о совершении преступления. Впрочем, П. Гуляев не рассматривал в своей работе виды соучастия,

¹⁵⁰ Российское уголовное право, изложенное обоих прав ... С. LVI.

¹⁵¹ Там же. С. 87–91.

¹⁵² Ситникова А. И. Институт соучастия. М., 2019. С. 100.

упоминая лишь о необходимости дифференцированного подхода к наказанию за соучастие в преступлении¹⁵³.

Преподавал естественное право в Санкт-Петербургском университете в начале XIX в. профессор П. Д. Лодий, который также не обошел вниманием в своем труде «Теория общих прав» вопросы совместного совершения преступления. Исследователь заинтересовался тем кризисом, который переживало в указанный период уголовное право, выделяясь из системы права государственного, и в основу своей теории он положил взаимоотношение положительных и естественных законов. По мнению П. Д. Лодия, принципы философского права являются теорией положительных законов. А в основание философского естественного права он кладет, в свою очередь, реальные свойства человеческого духа и психологическую природу человека. Кроме того, согласно точке зрения Г. С. Фельдштейна, П. Д. Лодий воспринял основы воззрений П. И. А. Фейербаха¹⁵⁴. Представляется, что прав О. В. Малахов, делающий вывод в своей статье о том, что Лодий определял ответственность соучастников, исходя не из той или иной соучастнической роли лица, а из опасности преступления и преступника¹⁵⁵.

В своих рассуждениях о совместном совершении преступления П. Д. Лодий полностью методологически опирается на свою психологическую концепцию. Качество души, проявляющееся в совершении преступления тем более опасно, чем больше достаточная причина к его существованию в нем содержится. Именно поэтому деяние виновника является более наказуемым, чем деяние помощника, а между многими виновниками более наказуемыми являются действия зачинщика. «Следственно, – пишет далее в своей

¹⁵³ Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений. М., 1826. С. 19.

¹⁵⁴ См.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. С. 386.

¹⁵⁵ Малахов О. В. Разработка понятия соучастия в теории российского уголовного права первой половины XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 2 (3). С. 176.

работе П. Д. Лодий, — умоделятельный виновник наказа-
тельнее, нежели физический; следственно преступление
главного умоделятельного, непосредственного, положитель-
ного помощника наказательнее, нежели постороннего, фи-
зического, отрицательного и посредственного помощника:
поелику преступления сих лиц состоят в упомянутом отно-
шении достаточных причин к действительному нарушению
права, кои более содержатся в первых, нежели во вторых»¹⁵⁶.
Кроме обозначенных в цитате видов соучастников, П. Д. Ло-
дий также выделял: совиновников (соисполнителей) физиче-
ских и умоделятельных; помощников главных и побочных; по-
мощников предшествующих, настоящих и последующих¹⁵⁷.

Упоминает в своем исследовании П. Д. Лодий и о ситуа-
ции посредственного причинения, когда лицо не может под-
лежать уголовной ответственности, в том числе в случаях
привлечения этого лица к совершению общественно опасного
деяния (это дети; старики, подобные детям; глухонемые; сла-
боумные; пьяные; находящиеся в сильной страсти или во сне;
а также лица, находящиеся в неведении и заблуждении).
Кроме того, особо рассматривает исследователь случаи, когда
лица действуют в состоянии непреодолимого принуждения
как физического, так и психического¹⁵⁸. П. Д. Лодий также
полагает, что в тех случаях, когда соучастник запирается и
не выдает своих сообщников, к нему можно применить
пытку, как «средство справедливое и приличное»¹⁵⁹.

В. К. Елпатьевский, преподававший в Санкт-Петер-
бургском университете приблизительно с 1824 по 1829 г., в
учении о соучастии исходил из того, что непосредственное
участие в совершении преступления более общественно
опасно, нежели посредственное, а «уговорное» виновней слу-
чайного. Исходя из этого, он выделяет и соответствующие

¹⁵⁶ Лодий П. Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о есте-
ственном всеобщем государственном праве. СПб., 1828. С. 146.

¹⁵⁷ Там же. С. 140.

¹⁵⁸ Там же. С. 138–139.

¹⁵⁹ Там же. С. 167.

виды соучастников преступления, к которым относит виновников, помощников и потворщиков. Первые – это те, кто замыслил само преступление, и чья деятельность была направлена непосредственно на совершение преступления. Вторые – те, кто содействием способствует преступлению, другим лицом задуманному. Третьи – те, кто только после совершения преступления с противозаконными намерениями участвуют в деле. Очевидно, что потворщики – это лица, прикосновенные к совершению преступления¹⁶⁰.

Более сорока лет преподавал в Московском университете уголовное право С. И. Баршев, который неодобрительно относился к философским концепциям естественного права и полагал, что общие начала уголовного права «должны быть утверждены на прочных основаниях исторически существовавшего и действующего права»¹⁶¹.

С. И. Баршев считает, что одним из внешних факторов проявления преступления в реальной действительности является его совершение несколькими лицами. Факт совершения преступления многими лицами ученый называл «сообществом в совершении преступления»¹⁶². И именно на различии лиц, совершающих преступление, и основывается учение о сообществе в преступлении. Отношение многих лиц к совершению одного и того же преступления ученый и считал сообществом в преступлении.

Перечисляя виды сообществ в преступлении, С. И. Баршев упоминает произвольное и непроизвольное; посредственное и непосредственное; физическое и интеллектуальное; договорное и случайное; предшествующее, современное и последующее; общее и особенное; положительное и отрицательное сообщества. Впрочем, приводя данную классификацию, автор достаточно скептически относится к критерию деления, считая, что им является исключительно внешний

¹⁶⁰ Лодий П. Д. Теория общих прав ... С. 392.

¹⁶¹ Фельдштейн Г. С. Профессор С. И. Баршев («учитель» русских криминалистов). Ярославль, 1908. С. 7.

¹⁶² Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М., 1841. С. 86.

способ участия в преступлении, который является слишком отвлеченным, а потому ни к чему не ведущим.

Целесообразнее, по мнению С. И. Баршева, было бы делить всех сообщников в преступлении на три вида («главных рода»): главных виновников, помощников и покровителей¹⁶³. Однако подобное деление, как полагает ученый, возможно осуществлять лишь тогда, когда они лишь случайно содействуют друг другу. То есть тогда, когда преступление совершается хоть и в соучастии, но без предварительного сговора. Если же сговор на совершение преступления осуществляется предварительно, т. е. до его начала, то подобное разделение соучастников на виды применяться не должно. При этом С. И. Баршев уточняет: «Если договор относится к одному преступлению, то это называется заговором; если же к известному роду преступлений, то отсюда рождается шайка»¹⁶⁴.

Вопросы наказуемости совместного совершения преступления С. И. Баршев рассматривает в своей работе «О мере наказаний», опубликованной в 1840 г. Базовый тезис, который формулирует ученый, – наказание должно соответствовать мере участия каждого в совершении преступления. Тезис об одинаковом наказании всех соучастников преступления, который выдвигали сторонники теории устрашения, С. И. Баршев неизменно критикует.

Согласно мнению ученого, в одном и том же преступлении главный виновник подлежит самому строгому наказанию, так как именно в нем заключается настоящая причина преступления и без него преступление не могло быть совершено¹⁶⁵. В то же время исследователь предупреждает о недопустимости механистического (сугубо объективистского) подхода к этой проблеме. «Необходимо только, – пишет С. И. Баршев, – чтобы при определении наказания за преступление лицам, участвующим в его совершении, было об-

¹⁶³ Баршев С. И. Общие начала теории ... С. 87.

¹⁶⁴ Там же. С. 97.

¹⁶⁵ Баршев С. И. О мере наказаний. М., 1840. С. 128–129.

ращаемо внимание, главным образом, не на свойство внешней деятельности, которая употреблена ими для этого, но на свойство интереса, который имел каждый из них, совершая преступление»¹⁶⁶.

Далее С. И. Баршев поясняет, что распределение ролей очень часто происходит случайно, и нельзя, чтобы случайность решала, кто является главным виновником. Им не всегда является тот, кто выполняет объективную сторону. Главным виновником должен признаваться тот, чей интерес в совершении преступления является доминирующим, так как только в этом случае степень наказания зависит от обстоятельства, которое заключается в самом преступнике¹⁶⁷. И действительно, с одной стороны, в современном уголовном праве особо активная роль в совершении преступления являетсяотягчающим наказанием обстоятельством, которое серьезным образом может повлиять на сравнительную строгость назначения наказания соучастникам. С другой стороны, С. И. Баршев имеет ввиду еще и посредственное причинение, когда лицо, обладающее признаками субъекта, привлекает к совершению преступления другое лицо, таковыми признаками не обладающее в силу различных обстоятельств.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о наказуемости соучастников, С. И. Баршев достаточно логично выстраивает иерархию строгости в назначении наказания.

1. Строже всех должны быть наказуемы главные виновники, которые непосредственно причинили вред. Наряду с ними по строгости должны наказываться помощники, которые имели непосредственный интерес в совершении преступления, даже если они и не участвовали в главном действии и не оказывали необходимой помощи. По мысли С. И. Баршева, и те и другие являются главными виновниками в смысле наказуемости.

2. Те из сообщников, которые хотя и совершили главное действие, но не имели непосредственного интереса.

¹⁶⁶ Баршев С. И. О мере наказаний. С. 130.

¹⁶⁷ Там же. С. 131.

3. Самое меньшее наказание должно быть назначено тем, кто и не имел непосредственного интереса, и не участвовал в самом совершении преступления, а только ему покровительствовал, т. е. лицам, прикосновенным к совершению преступления¹⁶⁸.

В опубликованной много позднее в 1868 г. в «Журнале министерства юстиции» в статье под названием «О подстрекательстве» С. И. Баршев утверждает, что подстрекательство никоим образом не приближает готовящееся преступление. «Подстрекательство, – пишет ученый, – ни в коем случае не подвигает преступление ни на один шаг вперед. Как бы настойчиво оно ни было продолжаемо к самому совершению преступления, оно никогда не прибавит ничего. Да и прямой связи между ним и преступлением нет никакой. Неудавшееся подстрекательство еще только угрожает преступлением и потому не есть не только покушение, но и приготовление, а лишь признаки умысла»¹⁶⁹. Рассуждая далее об особенностях ответственности и наказания подстрекателя и подстрекаемого, С. И. Баршев выделяет четыре существующих точки зрения.

1. Подстрекатель должен наказываться строже, нежели подстрекаемый.

2. Подстрекаемый должен наказываться строже подстрекателя.

3. И подстрекатель, и подстрекаемый должны наказываться в соответствии с конкретной ситуацией.

4. И подстрекатель, и подстрекаемый должны наказываться одинаково (более предпочтительный вариант).

Именно четвертая точка зрения подтверждалась большинством положительных законодательств. При этом исследователь уточняет, что современное ему отечественное

¹⁶⁸ Баршев С. И. О мере наказаний. С. 132.

¹⁶⁹ Баршев С. И. О подстрекательстве // Журнал министерства юстиции. Т. 1. СПб., 1868. С. 390.

уголовное законодательство относит подстрекателя к главным виновникам и наказывает порой даже строже, чем подстрекаемого¹⁷⁰.

Догматические исследования института совместного совершения преступления в первой половине XIX столетия имели вполне прагматическое значение. Они выражались на первых порах все еще в комментировании существующих уголовно-правовых норм, однако уже дополнялись существенной систематизацией нормативного материала по принципу деления на общее и особенное. Создаются и контуры учения о совместном совершении преступления. И хотя первые русские исследователи еще не всегда, например, отличают соучастие от прикосновенности, полагая последнее особым родом соучастия, а общие вопросы соучастия разрабатывают лучше, чем частные, они уже вполне четко отмечают пробелы законодательства, касающиеся отсутствия норм о наказуемости соучастников, видят повышенную общественную опасность непосредственных исполнителей, в сравнении с иными видами соучастников осуществляют первые попытки градации соучастников в соответствии с характером и степенью участия в совершении преступного деяния.

¹⁷⁰ Баршев С. И. О подстрекательстве. С. 392.

ОФОРМЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТЕОРИИ РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (середина XIX в. – 1917 г.)

§ 3.1. Совместное совершение преступления в учебной и монографической литературе по русскому уголовному праву (середина – четвертая четверть XIX в.)

К середине XIX столетия ситуация с совместным совершением преступления в трудах отечественных ученых начинает меняться. Все большее количество исследователей рассматривают эти вопросы на уровне не только учебников и курсов лекций, но и в монографических работах. Очевидно, что такому подходу способствовал уже накопившийся в достаточной степени теоретический материал.

В 1850 г. А. С. Жиряев выпустил в свет монографию «О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении», представлявшую собой попытку упорядочить скопившийся к тому времени во многом схоластический материал, касающийся совместного совершения преступления. Даже само название работы свидетельствует как минимум о том, что ученый пытается развести два понятия, до этого времени четко не отличавшихся друг от друга, – соучастие и прикосновенность.

Определяя понятие «стечение нескольких лиц в совершении преступления», он отмечал, что это такое отношение к преступлению нескольких лиц, при котором они либо участвуют в его совершении, либо совершают иное преступление «по поводу и в интересах первого». Причем ответственность во втором случае (прикосновенности) напрямую

зависит от характера и степени наказуемости основного преступления. Таким образом, ученый, определяя общее (родовое) понятие совместного совершения преступления, выделял непосредственное участие в его совершении как первую форму и прикосновенность к преступлению как вторую форму. Участников в совершении преступления А. С. Жиряев делит на главных виновников и пособников, а лиц, прикосновенных к совершению преступления, на укрывателей, попустителей и недоносителей¹⁷¹. При этом цель ученого достаточно ясна и понятна: нельзя заниматься только лишь исследованием соучастия и не уделять внимания разработке института прикосновенности к преступлению (именно этим и грешили предшествующие исследования).

Говоря о соучастии как первом виде стечения нескольких преступников в совершении преступления, автор выделяет, на наш взгляд, не только такие объективные признаки, как множественность лиц и участие в одном и том же преступлении¹⁷², а говорит о том, что само вступление в отношение соучастия или прикосновенности может быть только умышленным, сознательным и заведомым. Однако это утверждение вовсе не является однозначным и окончательным. Исследователь полагает вместе с тем, что «можно быть участником в неосторожности, равно как можно быть в виновном заблуждении насчет рода и свойства того, в чем именно участвуешь или к чему именно ставишь себя в прикосновенность»¹⁷³.

Определяя основные положения института прикосновенности, А. С. Жиряев выделяет следующие:

а) все виды прикосновенности являются самостоятельными, но придаточными преступными деяниями, которые не должны принадлежать общей части уголовного права, а быть исключительно принадлежностью Особенной части;

¹⁷¹ Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 15–16.

¹⁷² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб., 2007. С. 6.

¹⁷³ Жиряев А. О стечении нескольких преступников ... С. 36.

б) уголовная ответственность укрывателей, попустителей и недоносителей напрямую зависит от уголовной ответственности лиц, совершающих в соучастии так называемое основное преступление;

в) такая ответственность по степени строгости была, очевидно, меньшей.

Предположение по п. «б» мы делаем в связи с тем, что А. С. Жиряев так описывает основания наказуемости прикосновенных лиц: «...попустители, укрыватели и т. д. никогда не являются одни пред лицом карающего правосудия, но всегда в сообществе с виновниками главного преступления. При ненаказанности последних остаются без наказания и первые, потому что, если не окажется при уголовном исследовании главного преступления, то не может быть речи ни о попустительстве, ни об укрывательстве, ни о недоношении. Обнаружено будет уголовным розысканием преступление большее, нежели каким казалось оно при первом обозрении, и преступность прикосновенных к нему лиц возрастет в той же самой пропорции; и, наоборот, открыто будет преступление меньшее, и вина прикосновенных к нему лиц уменьшится на столько же»¹⁷⁴.

Что же касается п. «в», то А. С. Жиряев резкие различия в степени наказуемости соучастников и прикосновенных лиц видит в двух аспектах:

- в свойствах и направлении воли (субъективная составляющая);
- в качестве, а также направленности внешнего действия (объективная составляющая).

Соучастники стремятся к совершению преступления, а прикосновенные не выражают прямого стремления к преступлению, причинами этого является непростительная апатия, трусость и т. п.¹⁷⁵

Критикует А. С. Жиряев тех авторов, которые вместо термина «прикосновенность» используют термин «благопри-

¹⁷⁴ Жиряев А. О стечении нескольких преступников ... С. 17.

¹⁷⁵ Там же. С. 20–21.

ятствование» совершению преступления и, по мнению ученого, таким образом необоснованно расширяют рамки прикосновенности. В благоприятствование, помимо уже перечисленных форм прикосновенности, эти авторы включают одобрение преступления, награждение преступника, пользование плодами совершённого преступления. Одобрение, по мнению ученого, по большей части преступного характера не имеет, пользование плодами совершённого преступления в большинстве случаев представляет собой укрывательство¹⁷⁶.

Работа А. С. Жиряева была первым систематическим исследованием именно института совместного совершения преступления. Более того, в списке литературы, которую использовал автор, нет ни одной отечественной работы. Очевидно, потому что работы русских ученых в этом вопросе находились в зачаточном состоянии. Однако переоценить этот труд в аспекте его дальнейшего влияния на доктрину русского уголовного права просто невозможно. «С течением времени, – пишет А. С. Цветкова, – взгляды российских ученых дореволюционного периода на институт соучастия менялись, но все они в своих рассуждениях о соучастии так или иначе ссылались на работу “О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении”, выстраивая свои теории относительно изложенной Жиряевым концепции. Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев, П. П. Пусторослев, В. Д. Спасович, Г. Е. Колоколов, опровергая различные положения, высказанные ученым, признавали высокий теоретический уровень работы, ее фундаментальность и важность для развития российской науки уголовного права в целом, и института соучастия в частности»¹⁷⁷.

Монографическая работа А. С. Жиряева дала толчок исследованиям совместного совершения преступления и в историческом плане, и в аспекте рассмотрения отдельных видов преступлений. Так, например, Н. С. Власьев в своей

¹⁷⁶ Жиряев А. О стечении нескольких преступников ... С. 30.

¹⁷⁷ Цветкова А. С. А. С. Жиряев: нереализованные возможности // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1 (6). С. 204.

работе, посвященной исследованию общих начал вменения в историческом раскрытии, пишет о том, что соучастие в преступлении может быть только тогда, когда в его совершении сочетается несколько свободных волеизъявлений действующих лиц. Произойти это может только умышленно, а значит, не может быть участия в преступлении с неосторожной формой вины¹⁷⁸. Далее исследователь утверждает, что помощь и подстрекательство являются элементами участия в преступлении.

Покровительство или споспешествование, по терминологии Н. С. Власьева, которое наступает уже за окончанием преступления и наступлением его последствий, к соучастию в преступлении никакого отношения не имеют. А вот участие, по мнению ученого, в полной мере получает свое выражение только в сообществе, т. е. там, где все участники действуют со свободой воли, выполняя вместе, умышленно объективную сторону состава преступления¹⁷⁹.

А вот что Н. С. Власьев пишет по поводу посредственного причинения: «Но так как в области свободы не может быть принята простая причинность, то для того, чтобы интеллектуальным влиянием могло быть обусловлено участие, необходимо со стороны исполнителя присутствие самоопределения, которое может быть в виде умысла или неосторожности. Посему, как скоро в отношении к исполнителю вменение не имеет места, только интеллектуальная виновность не может быть допущена. Так, если интеллектуальный виновник поставил исполнителя в состояние неспособности к вменению или ввел в прекращающее вменение заблуждение, то уже он сам становится прямым главным виновником...»¹⁸⁰.

П. Д. Колосовский в своем историческом исследовании преступлений против жизни и здоровья достаточно по-

¹⁷⁸ Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М., 1860. С. 64.

¹⁷⁹ Там же. С. 66.

¹⁸⁰ Там же.

дробно останавливается на рассмотрении совершения преступления преступным сообществом. В основу понятия преступного сообщества ученый вкладывает совершение преступления общими силами нескольких лиц. Если лица участвуют в совершении преступления посредством внешнего физического деяния, то они являются физическими участниками. Если же преступление совершается посредством нравственного воздействия на волю других, то интеллектуальными. Однако, как полагает ученый, если физическое участие в совершении преступления является достаточно видимым, то интеллектуальное предполагает серьезные усилия для своего обнаружения. Возможно подобное обнаружение, по мнению П. Д. Колосовского, только при надлежащем развитии учения о субъективной стороне¹⁸¹.

Историческое исследование вопросов соучастия в Соборном уложении 1649 г. осуществляет В. И. Сергеевич. Он полагает, что Соборному уложению знакомы такие понятия, как соучастие необходимое (поединок, прелюбодеяние) и соучастие случайное. Соучастие случайное или собственно соучастие им определяется как участие нескольких лиц в таком преступлении, которое может быть совершено и одним лицом, но в данном случае совершается несколькими лицами. При этом в соучастии случайном различаются главное (технически называемое виновничеством) и второстепенное участие (пособничество)¹⁸². Виновничество состоит как в непосредственном, так и в посредственном причинении вреда охраняемым законом интересам, а главными виновниками являются виновники не только физические, но и интеллектуальные. Пособничество, не предполагая совершения преступных действий, так или иначе содействует совершению преступления. Прикосновенные лица совсем не

¹⁸¹ Колосовский П. Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому уголовному праву. М., 1857. С. 255–266.

¹⁸² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 376.

участвуют в совершении преступления и содействии ему, но они скрывают, попустительствуют либо недоносят¹⁸³.

Обращает на себя внимание тот факт, что В. И. Сергеевич вполне осознанно применяет весь теоретический инструментарий института соучастия, выработанный исследователями к началу XX в., к законодательным актам в ретроспективном аспекте, что свидетельствует о вполне устоявшейся традиции применения конкретно-исторического метода исследования.

Очень вдумчиво подходит к определению самого понятия соучастия и его места в теории уголовного права Н. А. Полетаев. Соучастие он определяет как совершение одного и того же преступления сознательно совокупными силами нескольких свободных лиц. Во-первых, сразу же обращает на себя внимание серьезное уточнение – соучастие в одном и том же преступлении. Во-вторых, свобода в интерпретации Н. А. Полетаева означает деликтоспособность лица. В-третьих, сознательно совокупные силы – это значит, что участники должны быть проникнуты не только одинаковым, но единым для всех преступным намерением. В-четвертых, должно быть совершено именно преступление, а не какое-либо иное противоправное деяние. Что же касается места соучастия в доктрине уголовного права, то Н. А. Полетаев высказывает мнение о том, что институт соучастия должен находиться в Общей части уголовного права, хотя это и связано с очень серьезными проблемами¹⁸⁴.

Монографическое исследование А. С. Жиряева оказало огромное влияние на исследователей, и очень многие из них переняли терминологию, употребленную данным автором. Так, В. Д. Спасович раздел своего учебника, посвященный совместному совершению преступления, озаглавил «Стечение многих лиц в одном преступлении». Однако исследователь воспринял не только терминологию, используемую

¹⁸³ Сергеевич В. И. Лекции и исследования ... С. 377–378.

¹⁸⁴ Полетаев Н. А. Прикосновенность к преступлению // Журнал министерства юстиции. Т. 14. СПб., 1862. С. 48.

А. С. Жиряевым, но и общий концептуальный подход последнего к понятию и видам стечения нескольких преступников в одном и том же преступлении. В. Д. Спасович так же, как и А. С. Жиряев, выделяет участие и прикосновенность как виды совместного совершения преступления, а также и все виды участников и прикосновенных лиц.

Так же, как и Жиряев, Спасович рассуждает о двух аспектах совместного совершения преступления – объективном и субъективном. Задаваясь насущным вопросом, что должно быть положено в основу наказуемости соучастников преступления, он полагает, что это должна быть исключительно субъективная сторона действий соучастников. Объективная сторона не может выступить в этой роли, так как она для всех общая и неделимая. Она не делится на доли, а все участники отвечают за весь совокупный преступный результат. Такая неделимость объясняется тем, что действия всех участников квалифицируются одним уголовным законом. Что же до субъективной стороны, то она у каждого соучастника совершенно особая. У каждого свой настрой воли, свое знание, свое предвидение последствий. В то же время, формулируя свой окончательный вывод, исследователь не отрывает субъективную сторону состава преступления от объективной. «Каждый должен быть судим по мере своего знания и своей решимости, – пишет исследователь, – его знание и решимость обнаруживаются посредством его личного содействия, а его личное содействие есть только одна из составных частей общего произведения всех соучастников»¹⁸⁵. И вот что представляется интересным в дальнейших рассуждениях В. Д. Спасовича. Ученый выводит эту формулу для того, чтобы законодатель снабдил правоприменителя «известным масштабом», мерилom определения характера и степени общественной опасности участия в совершении преступления каждого соучастника. Для этого необходимо, чтобы законодатель посредством самого тонкого анализа уловил самые резкие отличия соучастников друг от друга для установления меры наказуемости каждому из них.

¹⁸⁵ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1863. С. 162.

Собственно, и классификацию стечения нескольких лиц в совершении преступления В. Д. Спасович определяет через призму характеристики действий соучастников. Именно таким образом он выделяет соучастие необходимое и только возможное, предшествующее, современное и последующее. Всех соучастников ученый делит на две группы. Первая – это главные виновники, которые, в свою очередь, подразделяются на физических и интеллектуальных. Вторая группа – пособники, которые также могут быть как физическими, так и интеллектуальными. В то же время представляется интересным рассуждение В. Д. Спасовича о том, что стечение нескольких лиц в совершении преступления представляет собой, по сути, неразрешимую проблему, так как это явление представляет собой бесчисленное количество казуистических комбинаций, закрепить которые нормативно или в качестве общих доктринальных положений практически невозможно.

В зависимости от того, присутствовало или нет предварительное соглашение, формы стечения, по мнению В. Д. Спасовича, могли быть следующими:

- стечение, не основанное на предварительном для преступников соглашении (скоп);
- стечение, основанное на предварительном для преступников, соглашении (заговор);
- соучастие в преступлении целого общества злодеев, занимающихся преступлениями в виде ремесла (шайка)¹⁸⁶.

Деление стечения нескольких лиц в совершении одного и того же преступления на участие и прикосновенность, согласно точке зрения автора, не единственное. Но, пожалуй, самым важным в рассматриваемом нами аспекте является тот факт, что В. Д. Спасович, рассуждая о делении стечения нескольких лиц в совершении одного преступления на участие и прикосновенность, аргументированно доказывает,

¹⁸⁶ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. С. 176–177.

что прикосновенность к совершённому в соучастии преступлению отнесена быть не может¹⁸⁷.

Характер и степень участия в совместном совершении преступления как основание для назначения большего или меньшего по строгости наказания кладет в основу своих рассуждений и А. В. Лохвицкий. Критикуя современное ему французское законодательство за равное назначение наказания всем без исключения соучастникам, ученый отмечает, что подобное уравнивание наказаний нивелирует страх перед возможной ответственностью. Постановление в одинаковые условия наказуемости приводит к укреплению круговой поруки и укрепляет преступные сообщества. И, напротив, разное наказание (порой очень незначительное для некоторых второстепенных участников) способствует уменьшению сплоченности таких «сборищ»¹⁸⁸.

Отмечая различные основания деления соучастия на виды в различных законодательствах как практически неприемлемые, А. В. Лохвицкий считает для себя единственно правильным деление соучастия на «до совершения преступления», «во время совершения преступления» и «после его совершения». Кроме того, важным в отношении наказания делением исследователь признает дифференциацию участников преступления на тех, кто действительно совершил преступление и тех, кто участвовал в нем морально или материально, но играл при этом второстепенную роль¹⁸⁹.

Комментируя русское уголовное законодательство, А. В. Лохвицкий вполне обоснованно полагает, что оно делит соучастие на два рода: по предварительному соглашению и без такового. И лица, которые перечисляются законодателем в этих родах, резко отличаются друг от друга. Разделяя всех участников преступления по видам, А. В. Лохвицкий конструирует сложное основание деления. Он к законодательному основанию деления (по предварительному соглашению и без такового) добавляет свое (до, во время и

¹⁸⁷ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. С. 161–164.

¹⁸⁸ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 137.

¹⁸⁹ Там же. С. 138.

после совершения преступления). Вот, что он пишет по данному поводу: «Уложение знает два рода участия: 1) без предварительного соглашения и 2) по предварительному соглашению. В каждом роде резко отличаются: 1) лица участвовавшие в самом совершении преступления, – (или до преступления во втором роде участия); 2) участвовавшие после преступления. Первого рода лица называются: в участии без предварительного согласия – главными виновными и участниками; в преступлении, совершённом по предварительному соглашению – зачинщиками, сообщниками, подговорщиками, подстрекателями, пособниками. Второго рода лица и в том, и в другом роде участия носят одинаковое название: попустителей, укрывателей, недоносителей»¹⁹⁰. Таким образом, становится совершенно очевидно, что А. В. Лохвицкий лиц, прикосновенных к совершению преступления, также относит к участникам преступления.

Достаточно прагматично подходит к понятию совместного совершения преступления П. Д. Калмыков. Даже само заглавие раздела говорит именно об этом – «Различные степени вменения или вины в отношении к сообществу в преступлении». Очевидно, что П. Д. Калмыков внял высказанной тремя годами ранее идее В. Д. Спасовича о необходимости четко дифференцировать степень опасности соучастников по субъективной стороне.

Проанализировав современное ему уголовное законодательство, П. Д. Калмыков составил таблицу, в которой соотнес роды и виды участников преступления со степенями вины. Полная вина в высшей мере полагалась зачинщикам, соучаствующим в тесном смысле с предварительным соглашением. Зачинщик – тот, кто, составив замысел, согласил на то других, управлял действиями других или же первым приступил к выполнению объективной стороны. Такая же мера вины, по сути, полагалась подговорщикам и подстрекателям, т. е. умственным виновникам, которые, не участвуя сами в совершении преступления физически, склоняли

¹⁹⁰ Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. С. 138–139.

к этому других. Полной вины в оконченном преступлении удостаивались и сообщники, совокупными действиями совершавшие преступление с другими участниками. К ним же П. Д. Калмыков присоединял и необходимых пособников, оказывающих лишь «вспомоществование» в совершении преступления. Только прочие пособники могли быть удостоены виной степенью ниже всех перечисленных. Если же речь шла о лицах, участвующих в совершении преступления без предварительного сговора, то высшей степенью вины могли быть удостоены только главные виновники. Остальные участники, а также прикосновенные, оценивались как достойные вины одной или даже двумя степенями ниже¹⁹¹.

Очевидно, что одним из первых российских исследователей, кто попытался сформулировать теоретическое определение понятия соучастия, был также С. М. Будзинский. «Участие и сообщничество, — пишет ученый, — состоят в сознательном совместном действии нескольких лиц для осуществления общего преступного намерения»¹⁹². При этом С. М. Будзинский основной упор делает на умышленную форму вины, как существенный признак данного юридического явления. О соучастии можно говорить исключительно в умышленном преступлении. Неосторожная форма вины лишь подтверждает отсутствие намерения причинить обший вред. Кроме того, исследователь к обязательным признакам соучастия относит совместность действий нескольких лиц и стремление к наступлению единого для всех преступного результата. В данном определении, если сравнивать его с современным законодательным определением соучастия в УК РФ, нет только упоминания о том, что соучастие возможно лишь в умышленном преступлении.

Однако С. М. Будзинский совершенно четко в своей работе указывает и на этот факт. «Может случиться, что от беспечности или неосторожности нескольких лиц произойдет вредное последствие, например, пожар или смерть. Однако

¹⁹¹ Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть общая. СПб., 1866. С. 130–144.

¹⁹² Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 207.

же этих лиц нельзя назвать соучастниками, совиновными: каждое из них будет отвечать отдельно, самостоятельно, за свою вину»¹⁹³. Собственно, анализируя данную цитату исследователя, мы видим еще одну форму совместного совершения преступления, которую он вполне отчетливо выделяет, это неосторожное сопричинение. Кроме всего прочего, необходимо отметить и тот факт, что С. М. Будзинский не относит к учению о соучастии и стечении нескольких лиц в совершении преступления так называемое необходимое соучастие, полагая, что это исключительно продукт Особенной части уголовного права¹⁹⁴.

Как полагает С. М. Будзинский, о соучастии и соучастниках можно говорить только тогда, когда есть предварительное соглашение, либо когда соглашение является нечаянным или случайным. Далее мысль исследователя достаточно сложно уловить. Он пишет, что в предварительном соглашении наука и законодательство различают два вида, которые влияют на увеличение наказания. Это заговор и шайка. Очевидно, что речь идет именно о видах, влияющих на увеличение наказания, и, помимо этих видов, есть простое предварительное соглашение, — то, что в современном уголовном праве обозначается термином «элементарное соучастие».

Что же касается соглашения случайного, то такое соглашение, по мнению ученого, должно состояться либо непосредственно перед началом совершения преступления, либо во время его совершения. Представляется, что сговор на совершение преступления, пусть даже состоявшийся непосредственно перед началом выполнения объективной стороны состава преступления, все равно является предварительным. Относительно же сговора, который осуществляется в процессе совершения преступления, то здесь вопросов не возникает. С. М. Будзинский, пусть и не очень четко, но указывает, что от такого соучастия без предварительного соглашения необходимо отличать ситуации, когда действую-

¹⁹³ Будзинский С. М. Начала уголовного права. С. 208.

¹⁹⁴ Там же. С. 208–209.

щие в условиях одного и того же места, времени и даже одного и того же источника лица, ничего, кроме информации о совместном совершении, не имеют. Такие случаи нельзя рассматривать как соучастие в совершении преступления¹⁹⁵.

Среди видов соучастников С. М. Будзинский выделяет три большие группы: физических виновников, умственных виновников и пособников.

Отождествлял с соучастием и одновременно относил стечение нескольких лиц в совершении преступления к формам сложной преступности А. Ф. Кистяковский. Однако понятие соучастия исследователь излагает достаточно упрощенно, упоминая только о том, что преступление должно совершаться несколькими лицами или субъектами.

В основу своей дифференциации совместного совершения преступления ученый положил деление соучастия на необходимое и случайное. Признавая и то и другое явление в качестве соучастия, А. Ф. Кистяковский тем не менее достаточно четко относит необходимое соучастие к Особенной части уголовного права, а случайное – к Общей. Определяя природу случайного соучастия, ученый различает два главных его вида:

- а) главное соучастие, именуемое виновничеством;
- б) второстепенное соучастие, именуемое пособничеством.

При этом виновничество делится на интеллектуальное и физическое, а пособничество на объективное и субъективное. «Различие пособничества от виновничества, – пишет А. Ф. Кистяковский, – состоит в том, что виновничество есть воспроизведение в субъективном и объективном отношении самого состава преступления; тогда как пособничество в субъективном отношении играет роль разъяснителя и укрепителя преступного намерения, в объективном же состоит в воспроизведении действий, хотя содействующих совершению преступления, но не входящих в материальный состав преступления»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Будзинский С. М. Начала уголовного права. С. 222.

¹⁹⁶ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев, 1875. С. 208.

Он также выделял прикосновенность к преступлению или благоприятствование. Под ними ученый понимал такое действие или бездействие, которые только имеют некоторое отношение к данному преступлению, но которые, однако, не принадлежат к «действиям совершения» даже в виде пособничества¹⁹⁷.

Весьма интересными представляются рассуждения А. Ф. Кистяковского по поводу правомерности рассмотрения вопроса о прикосновенности вместе с соучастием. «Хотя некоторые криминалисты, — пишет автор учебника, — признают отнесение прикосновенности к учению об участии нерациональным, считая разные виды его преступлениями *sui generis*; но мы относим его к этому отделу, во-первых, потому, что вопрос о прикосновенности есть вопрос общий, относящийся ко всем преступлениям, следовательно его необходимо рассматривать в общей части; во-вторых, потому, что свойство прикосновенности имеет известное отношение к главному преступлению, чего не скрывают и сами противники рассмотрения прикосновенности в отделе об участии; в-третьих потому, что признавая этот вопрос более вопросом классификации, чем существа предмета, мы считаем весьма уместным рассмотреть его именно в этом отделе»¹⁹⁸.

К концу третьей четверти XIX в. в России начинают появляться работы, в которых авторы уделяют внимание не столько объему материала, посвященному совместному совершению преступления, сколько его качеству. Одной из таких работ, написанных специально для студентов, был конспект по уголовному праву магистра права Н. А. Неклюдова. Он меняет устоявшийся подход в описании совместного совершения преступления на предельно простой и в какой-то степени утилитарный. «Существование обстоятельного конспекта гораздо важнее, — пишет Н. А. Неклюдов в предисловии к своему труду, — для учащихся несметного количества листов литографированных и почти всегда плохо

¹⁹⁷ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник ... С. 211.

¹⁹⁸ Там же. С. 190–227.

составленных записок»¹⁹⁹. Конспект Н. А. Неклюдова, на наш взгляд, достаточно четко систематизирован в части регламентации института совместного совершения преступления. Четвертая глава называлась «Участие в преступлении (Стечение преступников)» и включала в себя «Теорию участия» и «Постановления о стечении нашего закона».

Н. А. Неклюдов не определяет понятия участия в преступлении, но формулирует ряд общих положений. К ним, в частности, относятся: множественность участников, неприменимость участия в преступлении к полицейским нарушениям и неосторожным преступлениям, неотнесение к участию так называемого необходимого участия. И вот что представляется интересным. Определяя деятельность участников, исследователь очень четко противопоставляет их виновникам. «Посему участник будет тот, — пишет Н. А. Неклюдов, — который принимал участие в деятельности виновника»²⁰⁰. При этом ученый и не отрывает деятельность участников от деятельности виновника, утверждая, что деятельность участников и не может быть какою-либо иною, так как участники — это и есть совокупность виновников²⁰¹.

Всех соучастников Н. А. Неклюдов делит по видам их деятельности на главных и второстепенных. Главные виновники могут быть интеллектуальными и физическими так же, как и второстепенные (пособники). Выделяя формы участия (скоп, заговор и шайку), ученый отмечает неуместность такого деления²⁰². Хотя, как нам представляется, аргументация Н. А. Неклюдова выглядит не очень убедительно, автор буквально по пунктам выводит характеристики некоторых видов соучастников, например подстрекателей и пособников. Такой подход в предыдущих работах других авторов не прослеживается. Так, подстрекательство характеризуется несколькими пунктами. Во-первых, оно должно быть заведомым, сознательным и умышленным. Во-

¹⁹⁹ Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. Конспект. СПб., 1875. С. 1.

²⁰⁰ Там же. С. 71.

²⁰¹ Там же. С. 72.

²⁰² Там же. С. 76.

вторых, подстрекатель может быть не один (несколько лиц могут склонять одного, или один подстрекатель может склонить другого к склонению третьего лица). В-третьих, подстрекательство должно быть направлено на совершение конкретного преступления, а не на перемену мыслей. Кроме этого, автор конспекта выделяет еще ряд положений, не все из которых являются бесспорными с точки зрения современного уголовного права России, но все они, безусловно, достаточно четко систематизированы²⁰³.

Исследователи третьей четверти XIX в. оказались в достаточно непростой ситуации. С одной стороны, предшественниками был накоплен достаточный теоретический материал, посвященный институту соучастия, правда представлявший собой в основном исследования зарубежных авторов. С другой стороны, какого-либо единства во мнениях и взглядах на институты, формы и виды соучастия, посредственного причинения, неосторожного соучастия и прикосновенности выработано так и не было. Однако именно в этот период формируется достаточно устойчивая точка зрения на то, что соучастие и прикосновенность — это разные институты по своей правовой природе. Нет четкости в рассуждениях ученых о том, может ли быть соучастие, в том числе с неосторожной формой вины, в разных комбинациях, или же это только умышленный, сознательный и заведомый процесс. Исследование соучастия осуществляется не только в рамках учения об общей части уголовного права, но и на примере отдельных преступлений, а также в историческом плане. В публикуемой научной литературе институт совместного совершения преступления рассматривается на уровне монографической, учебной литературы. В научных статьях начинают появляться отдельные аспекты этого учения (в основном подстрекательства). Осуществляются попытки четко отделить друг от друга и в то же время обосновать принадлежность к институту соучастия не только предварительного соглашения, но и отсутствия такового. Особое

²⁰³ Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. С. 73–75.

внимание начинает уделяться вопросам наказуемости соучастия. Особо хотелось бы отметить, что наряду с учебниками и курсами лекций, в которых авторы пространно и сложно рассуждают об институте совместного совершения преступления, появляются первые учебники с упрощенной подачей материала.

§ 3.2. Совместное совершение преступления в доктрине русского уголовного права (четвертая четверть XIX в. – 1917 г.)

В 1881 г. в свет выходит еще одно монографическое исследование, посвященное институту соучастия, которое подготовил Г. Е. Колоколов. Его работа носит название «О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности)». Понятие соучастия ученый определяет следующим образом: «Соучастие есть такое отношение нескольких лиц к единичному результату, при котором каждый из них виновным образом обуславливает этот результат посредством известного положительного действия»²⁰⁴. Опираясь на данное понятие, Г. Е. Колоколов сразу же исключает из понимания соучастия все случаи прикосновенности, мотивируя это тем, что ни один из видов прикосновенности не содержит обязательных для соучастия существенных признаков.

Первый признак с объективной стороны – несколько субъектов, стремящихся к достижению единичного результата (здесь под ним понимается общий единый результат), к достижению которого стремятся все соучастники. Второй признак должен выражаться в том, чтобы все действия соучастников были исключительно положительными. Иными словами, соучастие путем бездействия Г. Е. Колоколов не признавал, хотя и отмечал в своей работе, что подобные позиции в литературе существуют²⁰⁵.

²⁰⁴ Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М., 1881. С. 51.

²⁰⁵ Там же. С. 42.

Что касается признаков субъективных, то здесь исследователь полагает, что каждое из участвующих лиц должно действовать виновным образом, т. е. как умышленно, так и неосторожно. Такой подход, по мнению исследователя, позволял подвести под соучастие все те многочисленные случаи совместного совершения преступления, которые, исходя из господствующей доктрины (соучастие возможно только с умышленной формой вины и при наличии сговора), таковыми не признавались, например:

а) когда лица, совместно совершающие преступление, являются виновными в неосторожности;

б) когда одно из действующих лиц обуславливает результат умышленно, а другое по неосторожности;

в) когда преступники действуют умышленно, но без всякого соглашения между собой.

Последний пункт ученым был дифференцирован более подробно. Во-первых, когда ни один из виновных не знает о деятельности другого. Во-вторых, когда один из двух лиц знает об умысле и деятельности другого. В-третьих, когда оба лица знают друг о друге, но каждому из них кажется, что другой о нем не знает. Вывод после таких рассуждений Г. Е. Колоколова представляется вполне предсказуемым: «На основании всего изложенного, соучастие, со стороны субъективной, предполагает только, что каждое из участвующих лиц действует виновным образом, причем для бытия соучастия совершенно индифферентно, выпадает ли на долю преступников *dolus* или *culpa*, существует ли между ними соглашение или нет. Поэтому соучастие не исключается ни в одной из указанных выше комбинаций, где его отвергает господствующая доктрина»²⁰⁶.

Колоколов считает, что общие правила соучастия должны распространяться и на так называемое необходимое соучастие, и для этого не нужны какие-либо специальные правила, устанавливаемые в Особенной части уголов-

²⁰⁶ Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. С. 51.

ного права. Хотя исследователь и делает оговорку, в соответствии с которой эти правила применимы только в тех случаях, когда виновно действуют хотя бы два лица²⁰⁷. Всех соучастников Г. Е. Колоколов глобально делит на две большие группы: виновников и пособников²⁰⁸.

Особое внимание в своей монографии исследователь уделяет понятию подстрекательства, которому посвящает отдельный раздел. Рассматривая подстрекателя как главного интеллектуального виновника, Г. Е. Колоколов продолжает использовать все тот же методологический инструментарий, который до этого использовал при рассмотрении общих вопросов соучастия в преступлении. Подстрекателем является тот, кто виновным образом вызывает в другом мотивы к виновному совершению преступного деяния. И, как вывод, допускается неосторожное подстрекательство к умышленному деянию так же, как и умышленное подстрекательство к преступлению неосторожному. Кроме того, исследователь допускает подстрекательство и в тех случаях, когда в действиях одного или даже обоих лиц прослеживается посредствующая форма вины (косвенный умысел)²⁰⁹.

Рассматривает институт соучастия с точки зрения субъектов совместной преступной деятельности, а точнее в аспекте осложненной преступной деятельности, В. В. Есипов. Однако, в отличие от позиции А. Ф. Кистяковского, также рассуждавшего о соучастии, как об осложненной форме преступления, В. В. Есипов осложняющий элемент усматривает и в количестве лиц, совершающих преступление, и в их качестве. И подобный подход был вполне естественен для представителей социологической школы уголовного права. Основные тезисы теории соучастия, выводимой ученым, достаточно традиционны для представителей социологического направления. Во-первых, не может быть соучастия нескольких лиц в одном и том же преступлении, а может быть

²⁰⁷ Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. С. 73–74.

²⁰⁸ Там же. С. 75.

²⁰⁹ Там же. С. 119–120.

только совместная преступная деятельность или совместные преступления нескольких лиц. Во-вторых, само преступное деяние не является предметом наказания, а есть только внешнее, но при этом очень важное условие применения наказания. В-третьих, не может быть речи об участии в чужой вине, вина каждого самостоятельна и отдельна. В-четвертых, каждое преступное деяние является проявлением личного виновного состояния только одного лица — его совершающего²¹⁰.

Само учение о соучастии исследователь предлагает именовать учением о соучастниках. Однако, рассуждая о необходимости коренной реформы учения о соучастии и о том, что действующее законодательство начинает постепенно учитывать положения социологической школы, В. В. Есипов далее рассматривает позицию классической школы уголовного права на институт соучастия, сопровождая ее лишь некоторыми комментариями²¹¹.

Достаточно интересное определение понятия соучастия дает Л. Е. Владимиров в учебнике, посвященном Общей части русского уголовного права. Под соучастием ученый понимает соглашение нескольких лиц совершить общими силами определенное или несколько наперед не определенных преступлений²¹². Из данного определения видно, что Л. Е. Владимиров расширяет понятие соучастия путем включения в него не только совместного участия нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, но и соглашения о совершении нескольких неопределенных преступлений, что представляет собой совместную преступную деятельность.

К существенным признакам соучастия исследователь относит, во-первых, соглашение, которое соединяет несколь-

²¹⁰ Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1894. С. 148.

²¹¹ Там же. С. 148–172.

²¹² Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков, 1889. С. 109.

ких лиц одним общим умыслом. Во-вторых, совершение общими силами, что представляет собой, очевидно, совместность действий. Что же касается третьего существенного признака, то им является соглашение, составленное на одно или множество преступлений. Разъясняя данный признак, Л. Е. Владимиров пишет: «Соглашение на множество, в отдельности не определенных, преступлений, дает понятие шайки, высшую форму соучастия в преступлении, высшую по интенсивности преступности и опасности для общества. Шайка уже есть отколотая часть общества, ведущая с ним войну. Самое составление шайки есть уже преступление, которое должно вызывать строгое наказание»²¹³.

Виды соучастников Л. Е. Владимиров рассматривает в строгом соответствии их законодательной регламентации («Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г.»). В скопе (участии без предварительного соглашения) могли участвовать главные виновные и участники. При этом к первым относились распоряжавшиеся или управлявшие действиями других; приступившие к действиям прежде других, при самом их начале; непосредственно совершившие само преступление. Ко вторым — непосредственно помогавшие главным виновным; доставлявшие средства для совершения преступления и непосредственно совершившие само преступление²¹⁴. В участии по предварительному соглашению (заговор в обширном смысле слова) могли принимать участие зачинщики, сообщники, подстрекатели или подговорщики, пособники²¹⁵.

Л. Е. Владимиров рассуждает о возможных случаях совместного совершения преступления, помимо соучастия. Так, по мнению ученого, не может быть речи о соучастии, если преступный результат вызван неосторожными действиями нескольких лиц. Нелепостью Л. Е. Владимиров считает и неосторожное участие в умышленном преступлении (и наоборот). Кроме того, не относятся к соучастию и случаи так

²¹³ Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. С. 111.

²¹⁴ Там же. С. 113.

²¹⁵ Там же. С. 114.

называемого необходимого соучастия, когда то или иное преступление в Особенной части сконструировано таким образом, что совершить его в одиночку просто невозможно (дуэль, двоеженство, восстание). И, конечно же, прикосновенность к преступлению (благоприятствование) хоть и имеет отношение к учению о соучастии, но не входит в него²¹⁶.

Особым образом подходит к институту совместного совершения преступления Н. Д. Сергеевский. Он признает, что совместная преступная деятельность нескольких лиц может осуществляться только и исключительно при наличии причинной связи между действиями всех, без исключения. Однако он вполне четко делит все эти случаи на две группы. С одной стороны, все лица должны обладать определенными условиями вменения уголовной ответственности. Именно в этом случае можно говорить о соучастии в преступлении. С другой стороны, наличие условий вменения только у одного человека и отсутствии таких условий у других приводит к признанию присоединяющейся деятельности к неодушевленным силам природы. Деятельность таких лиц остается, таким образом, вне поля уголовно-правового воздействия²¹⁷.

Нужно отметить, что Н. Д. Сергеевский в своей работе выделяет специальный параграф «Понятие соучастия». И хотя он не акцентирует внимание на специальном определении понятия, но считает, что под соучастием можно понимать ситуацию, когда два или более совместных деятеля действуют каждый при наличии субъективных условий вменения так, что присоединение преступной деятельности одного не исключает сознания и предвидения результатов со стороны другого и наоборот²¹⁸. Фактически понятие соучастия исследователь дает исходя из такого признака, как совместность умыслов соучастников (выделяется среди субъективных признаков соучастия в современном уголовном

²¹⁶ Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. С. 124–127.

²¹⁷ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1896. С. 310–312.

²¹⁸ Там же. С. 313.

праве России). Более того, исследователь вводит в научный оборот и понятие «институт соучастия», при этом целью относящихся к институту соучастия положений является применение ко всем соучастникам общих начал уголовной ответственности. Необходимым же условием вменения преступных совокупных последствий каждому из соучастников является знание о присоединяющейся деятельности иных соучастников (в современном институте соучастия это наличие субъективных связей между участниками совместного преступления). Обращает внимание Н. Д. Сергеевский и на тот факт, что полное вменение последствий преступного деяния всем соучастникам, независимо от характера и степени их непосредственного участия в совершении преступления, не останавливает применение принципа индивидуализации уголовного наказания²¹⁹.

Н. Д. Сергеевский выделяет физический и интеллектуальный виды соучастников. Однако дифференцирует их, исходя из степени сложности распределяемых ими функций, что, на наш взгляд, является не совсем оправданным, так как здесь происходит смешение различных оснований деления²²⁰. Так, простейшей будет комбинация, где все соучастники являются физическими соисполнителями (совиновничество). Второй по степени сложности будет являться ситуация, когда все соучастники распределяют между собой роли физических и интеллектуальных участников. И, наконец, самой сложной комбинацией будет являться та, при которой и физические, и интеллектуальные виновники между собой еще разделяются на главных и второстепенных. Представляется, что с точки зрения современного уголовного права это не что иное, как деление соучастия по видам на простое и сложное.

²¹⁹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. С. 313–314.

²²⁰ На этот момент, в частности, обращает внимание исследователь научного творчества Н. Д. Сергеевского А. И. Чучаев. (См.: Чучаев А. И. Уголовно-правовые взгляды Н. Д. Сергеевского. М., 2014. С. 68.)

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в таком подходе есть и своя определенная логика. Основанием деления соучастия на виды в современном уголовном праве является установление факта распределения или не распределения ролей среди соучастников. При этом если все соучастники выполняют объективную сторону состава преступления в качестве соисполнителей (совиновников), такое соучастие является простым. Если же среди соисполнителей появляется хотя бы одна сложная фигура (организатор, подстрекатель или пособник), такое соучастие признается сложным. Однако мы должны согласиться с тем, что фактически основанием такого деления можно признать и определенную комбинацию видов соучастников, что, по сути, и делает Н. Д. Сергеевский.

В основание деления соучастия на формы, исходя из названий элементов дифференциации, Н. Д. Сергеевский кладет время составления соглашения о совершении преступления. Однако обосновывает это основание деления исследователь точно так же, как и предыдущее. Несмотря на то что фактическое содержание основания деления соучастия на формы составляют «некоторые особенности в отношении соучастников между собою и к их общей деятельности»²²¹, в итоге соучастие должно делиться на формы в зависимости от наличия совокупности одних главных физических виновников, либо от наличия главных виновников и пособников, либо от наличия физических или интеллектуальных. Время составления соглашения (до начала совершения преступления или в процессе его совершения) в основу деления соучастия положено в чистом виде так и не было, хотя единицы деления носят именно эти названия.

Так, соучастие без предварительного соглашения представляет собой две возможных комбинации. Первая – это скоп, когда «необходимые для общей ответственности условия (т. е. знание каждого из соучастников о присоединяющейся деятельности других соучастников) устанавливаются в

²²¹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. С. 316–317.

момент самого действия»²²². Вторая – когда знание о присоединяющейся деятельности других лиц происходит без какого-либо словесного обмена или обмена мыслями.

Соучастие по предварительному соглашению представляет собой ситуацию, когда лица до начала выполнения объективной стороны состава преступления договариваются о месте, времени, способе совершения преступления и распределяют роли. Именно вторая форма является, как полагает ученый, наиболее опасной и представлена заговором (когда все соучастники объединяются для совершения одного преступления) и шайкой (когда соучастники составляют сообщество для совершения многих преступлений)²²³. Третья форма соучастия, выделяемая Н. Д. Сергеевским, – неосторожное соучастие. Подобное происходит, когда соучастники не предвидят последствий, но должны были или могли их предвидеть. Именно третья форма соучастия и не подходит под основание деления – время составления соглашения. Но в этой единице деления присутствуют как раз те самые «некоторые особенности в отношении соучастников между собою и к их общей деятельности»²²⁴.

Структурирует Н. Д. Сергеевский и особенности ответственности соучастников. Во-первых, ответственность иных соучастников определяется ответственностью главных физических виновников. Если главные физические виновники совершили оконченное преступление, то и пособники, и подстрекатели отвечают за оконченное преступление. Если же главные физические виновники совершили покушение, то и остальные должны также отвечать за покушение. Во-вторых, неудавшееся подстрекательство, по мнению ученого, должно рассматриваться как обнаружение умысла, а потому должно оставаться ненаказуемым. В-третьих, соучастники, замыслившие добровольный отказ, должны не допустить совершения преступления или, по крайней мере, сделать все возможное, чтобы предотвратить совершение преступления

²²² Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. С. 318.

²²³ Там же. С. 319.

²²⁴ Там же. С. 318.

иными соучастниками. В-четвертых, обстоятельства, которые влияют на размер ответственности, должны вменяться всем участникам, если они охватывались их умыслом²²⁵.

К концу XIX столетия констатация среди исследователей того факта, что совместная преступная деятельность не ограничивается одним лишь соучастием, уже была достаточно устойчивой. Интересное замечание в этой связи делает Л. С. Белогриц-Котляревский, отмечающий в своем учебнике, что совокупная деятельность многих лиц, направленных на совершение преступления, может осуществляться в различных формах, одной из которых является соучастие. Кроме, собственно, соучастия, исследователь говорит о прикосновенности к преступлению. Саму прикосновенность ученый склонен считать «особым самостоятельным преступлением, не входящим в понятие соучастия и чуждым прямого необходимого отношения к главному преступлению»²²⁶. Необходимо отметить, что Л. С. Белогриц-Котляревский выделяет абстрактно общее понятие стечения нескольких лиц в совершении преступления, где каждый отвечает исключительно сам за себя и отделяет от него понятие соучастия.

Отдельно исследователь пишет о случаях посредственного причинения. Причем главным условием привлечения к ответственности за посредственное причинение автор учебника считает деликтоспособность каждого участника. Привлечение субъектом преступления лица, которое в силу определенных причин не является субъектом преступления или по иным основаниям не подлежит ответственности, превращает привлекающее лицо в единственного виновника²²⁷.

Отличает от соучастия Л. С. Белогриц-Котляревский и случаи неосторожного участия в умышленном преступлении, а также случаи соучастия в неосторожных преступле-

²²⁵ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. С. 319–320.

²²⁶ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев ; Петербург ; Харьков, 1903. С. 222.

²²⁷ Там же. С. 207.

ниях. «Первое невозможно потому, — аргументирует свою позицию исследователь, — что неосторожное содействие умышленному преступлению исключает солидарную ответственность; каждый отвечает только за себя и притом раздельно... Что же касается соучастия в неосторожных преступлениях, то возможность его исключается требованием внутреннего единения между виновниками...»²²⁸.

Что касается самого института соучастия, то под ним Л. С. Белогриц-Котляревский понимал такое совпадение нескольких лиц в преступлении, при котором благодаря общности их субъективной виновности каждый солидарно отвечает за все деяние в полном объеме. Коренными условиями ответственности за соучастие ученый считал наличие общей причинной связи (объективное) и общность вины (субъективное). При этом совершенно очевидно, что в соучастии возможна лишь умышленная форма вины, так как исследователь говорит о единении воли или соглашения²²⁹.

Особое внимание Л. С. Белогриц-Котляревский уделяет понятию соглашения, понимая под ним формирование однородного намерения, направленного на совместное совершение одного или нескольких преступлений. Именно время составления соглашения ученый кладет в основу разделения соучастия на формы. В случае, когда соучастие составляет к самому моменту преступления, форма соучастия будет называться скопом, в том же случае, когда соглашение предшествует совершению преступления, — сговором, заговором, шайкой, в зависимости от тех целей, которые должны быть достигнуты при совершении преступления²³⁰. Тем не менее, пытаясь отличить две формы соучастия друг от друга (скоп и заговор), исследователь пишет, что и в том и в другом случае соглашение должно предшествовать совершению преступления²³¹.

²²⁸ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. С. 206.

²²⁹ Там же. С. 205.

²³⁰ Там же. С. 207.

²³¹ Там же. С. 207.

В историко-догматическом исследовании, посвященном подлогу и опубликованному в 1900 г., А. А. Жижиленко, рассматривая историю римского права, отмечает, что как соучастие в подлоге рассматривалось пользование подложным указом²³². При этом все соучастники, согласно положениям римского права, были поставлены в равное положение с главными виновниками. Особенно это касалось подстрекателей. Как пособники рассматривались лица, прикладывающие свои печати к подложным документам. Прикосновенность также рассматривалась как соучастие²³³. Во французском праве в ряде законодательных актов к главным виновным (нотариусам и писцам) в вопросах наказуемости приравниваются и другие соучастники²³⁴. Однако, если соучастниками подобных преступлений являлись частные лица, они признавались лишь пособниками, так как по общему положению сами, без помощи должностных лиц, они преступление совершить бы не смогли²³⁵.

Анализируя «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., А. А. Жижиленко останавливается на нескольких частных, но очень сложных вопросах института соучастия, которые продолжают оставаться трудноразрешимыми и в современном уголовном праве. К случаям посредственного причинения исследователь относит ситуацию, при которой лицо, составляющее официальный документ, введено в заблуждение относительно истинности сведений, которые удостоверяются²³⁶. В то же время исследователь рассуждает о ситуации, когда частное и должностное лица могли бы быть соучастниками преступления, совместно совершая должностной подлог. Но, как сетует сам ученый, современное законодательство не предусматривает подобных ситуаций. «Строить соучастие... на основании об-

²³² Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование. СПб., 1900. С. 45.

²³³ Там же. С. 54.

²³⁴ Там же. С. 165.

²³⁵ Там же. С. 173.

²³⁶ Там же. С. 718.

щих положений представляется невозможным, — утверждает А. А. Жижиленко, — так как, хотя и должностное лицо, и частное нарушают, по-видимому, одну и ту же норму, но деяние их носит неодинаковое выражение, так что общие правила о соучастии здесь неприменимы»²³⁷. Иными словами, ученый отмечает проблему невозможности соисполнительства (совиновничества) при совершении преступления одновременно общим и специальным субъектами, что, как мы уже отметили, продолжает оставаться на острие научной полемики и сегодня.

С. П. Мокринский обосновывает наказуемость соучастников. Так, в частности, им рассматриваются вопросы добровольного отказа от совершения преступления. Непривлечение к уголовной ответственности соучастника, который добровольно отказался от доведения преступления до конца, по мнению ученого, является своеобразной премией. «По отношению к соучастнику, — пишет исследователь, — такая льгота целесообразна в особенности: тому, кто идет на преступление в одиночку, достаточно остановиться или принять самые элементарные меры предупреждения, и, по общему правилу, отпадение вредного последствия можно считать обеспеченным. Не так легко предупредить преступление, выполняемое коллективными силами. Здесь мало остановиться самому, необходимо успеть и вместе суметь остановить товарищей, быть может, выдержать не только нравственную, но и физическую борьбу, шансы которой всегда сомнительны. Если бы по закону только действительное предупреждение преступления освобождало от наказания, едва ли бы можно было бы рассчитывать на ревностную поддержку и содействие со стороны раскаявшегося соучастника»²³⁸.

В 1912 г. С. В. Познышев пишет работу под названием «Основные начала науки уголовного права». Интересно, что ученый определяет соучастие максимально широко — как

²³⁷ Жижиленко А. А. Подлог документов ... С. 724.

²³⁸ Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Ч. 2. Значение результата. Томск, 1902. С. 280.

виновное совершение одного преступления совместною деятельностью нескольких лиц. Однако, рассматривая объективные и субъективные признаки соучастия, а также анализируя два направления в учении о соучастии (старое и новое, иными словами, акцессорную теорию и теорию необходимого участия), Познышев продолжает подгонять под уже выработанные шаблоны учения о соучастии те многочисленные точки зрения, в которых исследователями предлагались различные варианты совместного совершения преступления²³⁹.

И виды, и формы соучастия С. В. Познышев объединяет в параграфе «Виды соучастия». Классифицируя соучастников по видам, исследователь выделяет исполнителей, или главных виновников, а также подстрекателей и пособников. Среди форм соучастия исследователь выделяет соучастие без предварительного сговора и соучастие с предварительным сговором. Далее в своей работе Познышев детально анализирует действующее законодательство, предварительно упомянув о том, что оно идет по пути, проложенному господствующим направлением в науке уголовного права, главным выразителем положений которого называет Н. С. Таганцева.

Интересным является подход С. В. Познышева к неосторожному подстрекательству. Его ученый вполне допускает, хотя и с некоторыми оговорками. «...Именно неосторожное подстрекательство может быть признаваемо в тех случаях, — пишет автор, — когда субъект сознательно определяет другого к определенному рода действиям, но не знает связи этих действий с преступным результатом, хотя, при обязательной для каждого осмотрительности, мог бы это предвидеть, или легкомысленно рассчитывает, что известный фактор предотвратит наступление этого результата»²⁴⁰. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что сторонниками неосторожного соучастия не только постулировалась

²³⁹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С 371–405.

²⁴⁰ Там же. С. 387.

общая идея о возможности неосторожного соучастия, но и конкретно рассматривались возможные виды неосторожного соучастия, в частности, в зависимости от вида соучастника.

Оригинальную точку зрения С. В. Познышев высказывает и по поводу правовой природы подстрекательства. Исследователь видит в нем особый способ совершения преступления, который не имеет ничего общего ни с интеллектуальным пособничеством, ни просто с участием в совершении преступления. По его мнению, законодатель должен приравнять подстрекательство к особому рода исполнительству²⁴¹. В современном уголовном праве такая фикция существует. Однако она относится не к подстрекательству, а к посредственному причинению, когда уголовная ответственность посредственного причинителя приравнивается к ответственности исполнителя преступления, с учетом того, что фактический совершитель преступления (невиновный агент) при посредственном причинении ответственности не подлежит в силу ряда причин. Важным является замечание исследователя и о том, что возможно подстрекательство не только к исполнению преступления, но и к пособничеству, а также возможно подстрекательство к подстрекательству²⁴².

В 1905 г. Познышев достаточно полно и всесторонне рассматривал различные проявления соучастия, упоминаемые в Особенной части действующего тогда законодательства, не стесняясь в определенных случаях критиковать позицию законодателя. Так, ученый был концептуально против признания действующим законодательством самоубийства как преступления. «Что касается самоубийства, — пишет исследователь, — то оно вовсе не должно считаться преступлением. Облагать это деяние какими-либо наказаниями нет никакой нужды. Люди настолько привязаны к жизни, что государству нет надобности стремиться укрепить в них эту привязанность своими карательными постановлениями... Из непреступности самоубийства вытекает также, что и участие в нем, как участие в деянии непроступном, не

²⁴¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права ... С. 388–389.

²⁴² Там же. С. 392.

может считаться соучастием в юридическом смысле этого слова. Подговор к самоубийству и содействие последнему могут быть, конечно, обложены наказаниями, но лишь как *delicta sui generis*»²⁴³. Таким образом, все действия посторонних лиц, которые так или иначе способствовали совершению определенным лицом самоубийства, должны были, по мнению С. В. Познышева, наказываться как самостоятельные преступления. Именно как непроступное деяние регламентировало самоубийство Уголовное уложение 1903 г. И именно как самостоятельные преступления оно карало действия лиц, содействующих самоубийству (дееспособных – ст. 462, недееспособных – ст. 463). Однако комментируемое в работе ученого «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. (в ред. 1885 г.) продолжало оставаться на ошибочных позициях. Сегодня уголовное законодательство России не считает самоубийство преступлением, но рассматривает целый ряд преступных деяний, связанных с доведением, склонением, содействием совершению преступления, как самостоятельные преступления.

Рассматривая квалифицированный вид убийства детьми своих родителей, С. В. Познышев категорически утверждает о невозможности вменения данного квалифицирующего признака лицам, принимавшим участие в таком убийстве, но при этом детьми не являющимся²⁴⁴. А рассуждая о принуждении к совершению преступления или тяжкого преступления в случае, если преступления, к которым принуждали лицо, были совершены, Познышев указывает на неправильный подход в Уголовном уложении 1903 г. В ст. 508 данные действия принуждающего рассматриваются как соучастие в преступлении и наказываются менее строго, чем то деяние, к которому принуждали. Это, согласно точке зрения ученого, кардинально неверно в том случае, если способом принуждения выступает физическое насилие.

²⁴³ Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. М., 1905. С. 2–3.

²⁴⁴ Там же. С. 30.

«Принудивший другого физической силой совершить преступление есть не соучастник, – считает ученый, – а виновник преступления и должен, разумеется, отвечать за преступление так, как если бы непосредственно его совершил»²⁴⁵. Таким образом, Познышев указывает на законодательную ошибку и пополняет таким образом виды посредственного причинения еще одним видом – принуждением к совершению преступления физическим насилием. Необходимо отметить, что современное законодательство все-таки конкретизирует такое физическое насилие непреодолимостью.

По мнению Л. Д. Ермаковой, С. В. Познышев в начале XX в. фактически явился основателем нового направления в учении о совместном совершении преступления. Ученый полагал, что первое (господствующее) направление слишком сужало понятие совместного совершения преступления, а второе (социологическое), наоборот, неосновательно расширяло. Однако обоснование собственной «промежуточной» позиции Познышевым до конца доведено не было. «По существу теоретическая позиция С. В. Познышева, – пишет Л. Д. Ермакова, – представляла смешанную теорию, включавшую положения двух противоположных направлений»²⁴⁶. Того же мнения придерживается сегодня А. М. Салимгареева²⁴⁷.

В вышедшей в 1912 г. фундаментальной работе о преступности и мерах борьбы с ней Д. А. Дриль рассматривает среди прочего позицию классической школы уголовного права относительно совместного совершения преступления, к которой, отметим, относится достаточно скептически. Будучи в большей степени социологом в области уголовного права, исследователь пишет, что учение о соучастии, изобилующее отдельными теориями, поражает своей схоластичностью и «оттеняет полную несостоятельность руководящих

²⁴⁵ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права ... С. 128–129.

²⁴⁶ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. С. 17–18.

²⁴⁷ Салимгареева А. Р. Проблемы установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 63.

положений классической школы»²⁴⁸. Далее Д. А. Дриль констатирует наличие семи видов соучастия, выделяемых по различным основаниям: 1) соучастие необходимое; 2) соучастие факультативное; 3) соучастие, предшествующее совершению преступления; 4) соучастие, сопутствующее совершению преступления; 5) соучастие, различающееся по формам вины (предумышленное, неосторожное и случайное); 6) соучастие по предварительному сговору (сговор, шайка или банда); 7) соучастие без предварительного сговора (скоп)²⁴⁹.

Рассуждая о видах соучастников и их наказуемости, Д. А. Дриль выделяет прежде всего главных физических и интеллектуальных виновников, а также физических и интеллектуальных пособников. Мера наказания пособникам целиком и полностью зависит от объема совершённых преступных действий главными виновниками. И именно этот совершенно механистический подход ученый считает слабым звеном в классической концепции соучастия. «Есть ли надобность говорить, — пишет исследователь, — что воззрение, унаследованное от глубокой седой старины, когда добывавшему выкуп вреда от врага-чужеродца до внутренней стороны преступления, которая составляет его душу, не было никакого дела, выступает здесь во всей своей силе и неприкосновенности»²⁵⁰.

Рассматривает соучастие в преступлении не как отдельный институт, а как институт, сопутствующий институту преступления, М. Н. Гернет. Будучи сторонником воззрений на соучастие представителей социологической школы уголовного права, ученый считает, что представители классического направления очень много внимания уделяют казуистике — бесконечному выяснению вопросов, связанных с возможными формами соучастия, значением предварительного соглашения, возможностью существования умысла и неосторожности в соучастии, индивидуализации наказуемости соучастников и т. п. Сам же М. Н. Гернет соглашается с

²⁴⁸ Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912. С. 153.

²⁴⁹ Там же. С. 153.

²⁵⁰ Там же. С. 155.

позицией И. Я. Фойницкого, полагая, что все это излишне, и считает, что на первое место должен выдвигаться субъективный момент, к соучастию должны применяться все общие теоретические положения уголовного права без каких-либо изъятий, а само соучастие как законодательный институт должно быть исключено из уголовных законов²⁵¹. Ученый определяет соучастие как обусловливание преступного результата деятельностью нескольких лиц при той или иной форме их вины. Исходя из анализа данной дефиниции, становится понятно, что исследователь допускает соучастие при любой форме вины и сочетании различных комбинаций виновности²⁵². Выделяет также М. Н. Гернет и виды прикосновенности, к которым традиционно относит укрывательство, попустительство и недонесение²⁵³.

Помимо прочего, М. Н. Гернет отмечает рост в первой четверти XIX в. преступлений, совершаемых в соучастии. Связывается это, по его мнению, не только с ростом капиталистических отношений, но и с тем, что преступность становится профессией, а преступники-профессионалы начинают образовывать организации специально для совершения преступлений²⁵⁴.

П. П. Пусторослев также достаточно жестко критикует господствующую классическую позицию в отношении института соучастия. Ученый считает ее слишком узкой и непрагматичной, а также научно необоснованной²⁵⁵. Пытаясь формулировать собственное понятие соучастия, ученый обращает внимание на необходимость более широкого определения. Соучастием должно быть не виновное содействие, а виновное, т. е. умышленное или неосторожное, способствование нескольких или многих лиц внешним действием или

²⁵¹ Гернет М. Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете. Херсон, 1913. С. 189–190.

²⁵² Там же. С. 190.

²⁵³ Там же. С. 192.

²⁵⁴ Там же. С. 189.

²⁵⁵ Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев, 1912. С. 424.

бездействием осуществлению внешней составной части преступного деяния²⁵⁶.

Справедливости ради необходимо отметить, что П. П. Пусторослев не жалуется также и на позицию социологической школы уголовного права в отношении института соучастия. Отвечая своим оппонентам И. Я. Фойницкому и В. В. Есипову, он пишет: «Что у соучастников преступления нет ни одинакового состояния преступности, ни одинаковой виновности; что каждый из них имеет своеобразное состояние преступности и своеобразную виновность, это – совершенно верно. Но отсюда вовсе не вытекает логически, будто каждый соучастник преступления не участвует вместе с другими в учинении одного и того же преступления, а учиняет свое преступление. Напротив, из этих верных положений можно логически сделать только то заключение, что наказание каждого из соучастников преступления не должно быть одинаково, но должно быть соразмерно со значительными индивидуальными особенностями виновности данного лица»²⁵⁷.

Соучастие разделяется, согласно точке зрения П. П. Пусторослева, на три вида:

1) по различию состава уголовных правонарушений (возможное и необходимое соучастие);

2) по роду виновности соучастников (соучастие умышленных соучастников, соучастие неосторожных соучастников и соучастие умышленных соучастников с участниками неосторожными);

3) по различию поведения соучастников (виновничество и совиновничество, пособничество и подстрекательство)²⁵⁸.

Собственно, именно в рамках одного из видов соучастия ученым рассматриваются и виды соучастников.

Очень интересный подход в своей работе П. П. Пусторослев осуществляет по отношению к прикосновенности к преступлению. По мнению ученого, данное понятие включает в себя три рода явлений, которые нельзя путать между

²⁵⁶ Пусторослев П. П. Русское уголовное право ... С. 428.

²⁵⁷ Там же. С. 428.

²⁵⁸ Там же. С. 429–434.

собой. Первый род прикосновенности – это преступные проявления невоспрепятствования осуществлению уголовного правонарушения, которое, в свою очередь, подразделяется на попустительство уголовному правонарушению и недонесение о предстоящем уголовном правонарушении. Второй род – это недонесение о совершённом преступлении и его совершителе и укрывательство совершённого преступления и его совершителя. К третьему роду прикосновенности относится преступное содействие преступной наживе²⁵⁹.

Рассматривал в аспекте исследования государственных преступлений вопросы совместного совершения преступления Д. А. Червонецкий. Изучая историю вопроса, в частности положения Соборного уложения 1649 г., автор анализирует понятия заговора и скопа, при этом акцент делается на «массовом характере преступления и насильственном образе действия виновных»²⁶⁰. А при анализе «Наказа» Екатерины Д. А. Червонецкий обращает внимание на положения, касающиеся необходимости под страхом смертной казни открывать заговоры, «о которых кто не по сообщению с умышленниками, но по слуху знает»²⁶¹. То есть фактически речь в данном положении идет о прикосновенности в форме недонесения.

Рассматривался в дореволюционной России институт совместного совершения преступления и в исследованиях о совершении массовых преступлений. Но если, например, в своей работе Л. М. Зайцев практически не уделяет внимания собственно институту соучастия, а только лишь психологическим особенностям совершения преступления под воздействием толпы и особенностям его наказуемости²⁶², то Д. Д. Безсонов четко понимает, что наряду с социальным, историческим и психологическим аспектами исследования необходимо уделять внимание и аспекту юридическому.

²⁵⁹ Пусторослев П. П. Русское уголовное право ... С. 511–523.

²⁶⁰ Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву. Юрьев, 1913. С. 15.

²⁶¹ Там же. С. 17.

²⁶² Зайцев Л. М. Ответственность при массовых преступлениях. Киев, 1909.

По мнению Д. Д. Безсонова, который поддерживал господствующую точку зрения, основным моментом соучастия является соглашение, которое может быть выражено как прямо, так и косвенно, путем договоренности или совершением таких действий, которые бы свидетельствовали о согласии лица принять участие в совершении преступления. Рассуждая далее, исследователь подчеркивает связь между соглашением и умышленной формой вины, которая подпитывает такое соглашение. Кроме того, умышленность соглашения приводит к общности умысла всех участников, а последнее – к общности вины в целом²⁶³.

В 1914 г. И. Я. Хейфец пишет монографию, посвященную подстрекательству к преступлению, в которой сразу определяет концептуальный подход к исследованию. Он совершенно справедливо полагает, что поскольку подстрекательство является неотъемлемой частью общего понятия соучастия, то и подход к нему является неоднозначным среди представителей различных концепций соучастия. Однако ни акцессорному подходу к соучастию, ни теории необходимого участия сам ученый предпочтения не отдает. Он склоняется к положениям о подстрекательстве, выработанной, так называемой промежуточной (средней) теорией. Подстрекатель не является участником в чужой вине (господствующий взгляд), а подстрекательство не является самостоятельным преступлением (теория необходимого участия). В соответствии со средней теорией подстрекательство рассматривается как «особая форма совершения деликта через другое лицо»²⁶⁴. То есть, с одной стороны, подстрекатель все-таки совершает преступление, и вследствие психической казуальности своей деятельности он является самостоятельным виновником, но, с другой стороны, центр тяжести подстрекательства лежит не в факте склонения другого лица, а в выполняемом через другое лицо преступном деянии²⁶⁵.

²⁶³ Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. С. 181–182.

²⁶⁴ Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М., 1914. С. 15.

²⁶⁵ Там же. С. 16.

Определяя конструкцию подстрекательства, И. Я. Хейфец определяет следующие основные положения. Во-первых, подстрекательство возможно к любой деятельности соучастия (исполнительству, пособничеству и самому подстрекательству). Во-вторых, подстрекательство должно быть наказуемо независимо от того, к преступлению какой категории оно осуществляется. В-третьих, возможно соучастие в самом подстрекательстве. Например, несколько лиц одновременно могут подстрекать лицо к совершению преступления. В этом случае они должны рассматриваться как подстрекатели. Здесь автор называет их совиновниками совершения преступного деяния через другое лицо. В рамках соучастия в подстрекательстве должно рассматриваться и подстрекательство к подстрекательству. А вот пособничество в подстрекательстве должно рассматриваться как пособничество в совершении того преступления, к которому осуществляется подстрекательство²⁶⁶. Кроме того, подстрекатель может склонять нескольких лиц одновременно к совершению одного и того же преступления.

Далее достаточно четко показывает различие между подстрекательством и интеллектуальным пособничеством, отмечая, что пособник воздействует психологически на исполнителя, который уже решился на совершение преступления к тому времени²⁶⁷. Отличает исследователь действия подстрекателя от действий посредственного причинителя. Говоря же о совокупности соучастнических ролей, которые может нести подстрекатель, ученый рассуждает следующим образом:

- если подстрекатель является одновременно еще и пособником, то окончательно он должен рассматриваться как подстрекатель. Современная доктрина соучастия стоит на тех же позициях, полагая, что степень общественной опасности подстрекателя выше, чем степень общественной опасности пособника;

²⁶⁶ Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. С. 17.

²⁶⁷ Там же. С. 28.

• если подстрекатель одновременно является соисполнителем (совиновником), то здесь при изначальной правильности вывода он должен отвечать только как соисполнитель.

«Всякий единичный деятель, – рассуждает И. Я. Хейфец, – есть и интеллектуальный виновник и физический – он сам себя определяет на преступление и сам его выполняет – и мы его судим, как виновника совершения деликта. Сущность подстрекательства, как мы уже неоднократно указали, это совершение деликта через другое лицо. Поэтому, если подстрекатель является еще и совиновником при выполнении преступного деяния, то этим он превращается в виновника деликта, выполняющего и интеллектуальную, и физическую часть преступления»²⁶⁸.

Своеобразный итог теориям соучастия в русском дореволюционном уголовном праве в 1917 г. подводит Э. Я. Немировский. Соучастие, по его мнению, – это ситуации, когда все, совершившие одно преступное деяние, действовали умышленно и со знанием о присоединяющейся деятельности каждого из них. При этом среди действующих в соучастии лиц различают исполнителей и соисполнителей (совиновников), т. е. тех, кто выполнил преступное деяние; пособников – тех, кто помогал совершению преступления; подстрекателей – тех, кто склонил к совершению преступления. Почти сразу же ученый отмечает в своей работе, что среди исследователей нет единства мнений по поводу того, кого считать соучастниками преступления: только сложных соучастников (подстрекателей и пособников) или же исполнителей (соисполнителей) тоже²⁶⁹.

Э. Я. Немировский не согласен с господствующей теорией соучастия, в которой, как уже говорилось, наиболее часто упоминаемым исследователем является Н. С. Таганцев. «Господствующая доктрина, – пишет исследователь, – действительно, построена на ложных основаниях: соучастники

²⁶⁸ Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. С. 33–34.

²⁶⁹ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. С. 579.

оказываются ответственными за преступный результат, которого они не причинили, караются, как участники чужой вины, в силу одного субъективного отношения к деликту исполнителя, в силу солидарной ответственности, уместной в области гражданского права, тогда как уголовная вина должна быть индивидуальная...»²⁷⁰. Подобный теоретический подход Э. Я. Немировский именует крайней акцессорностью²⁷¹.

Не принимает также полностью Немировский и позицию сторонников теории необходимого участия, особенно в интерпретации И. Я. Фойницкого, полагая, что последний, например, необоснованно занижает степень общественной опасности в совершении преступления такого участника, как пособник. При этом собственную позицию по поводу ответственности пособника Немировский выражает следующим образом: пособник – это только лицо, оказывающее содействие исполнителю при подготовке к совершению преступления. Любые действия по оказанию помощи лицу, непосредственно приступившему к выполнению объективной стороны, должны расцениваться как действия соисполнительские (совиновнические)²⁷².

Придание особой значимости фигуре пособника, которое осуществляет Немировский, расширяет юридические пределы этой фигуры. То же самое необходимо сказать и о подстрекателе преступления, деятельность которого ученый в большей степени интерпретирует как деятельность самостоятельного преступника, не имеющего никакого отношения к соучастникам. Вот что по этому поводу пишет Т. Л. Сергеева: «Немировский заявлял, что попустительство есть пособничество путем бездействия, недонесение есть только один из видов попустительства, а следовательно, является также пособничеством путем бездействия. Наконец, укрывательство является совершенно особым деликтом, не тождественным с предшествующим ему ранее деликтом, а

²⁷⁰ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. С. 584.

²⁷¹ Там же. С. 581.

²⁷² Там же. С. 610.

потому является не особым и не придаточным, а самостоятельным деликтом»²⁷³.

Отмечает Э. Я. Немировский и наличие иных теорий, получивших распространение в науке уголовного права. Так, например, немецкими исследователями Майером, Белингом и Биндингом доказывалась теория ограниченной акцессорности, когда институт соучастия признавался как необходимый, но в случае отсутствия деликтоспособного исполнителя ответственность иных соучастников обосновывается не с точки зрения общности вины, а по факту участия в совершении «объективно-преступного деяния»²⁷⁴.

К концу XIX – началу XX в. определилось два основных подхода в теории уголовного права на предмет совместного совершения преступления. Господствующая точка зрения, т. е. поддержанная большинством исследователей, старейшая и во многом принятая законодателем, предполагала приверженность ее сторонников основным положениям акцессорной природы соучастия. Противники господствующего направления придерживались теории самостоятельной ответственности, отвергая зависимость деятельности иных соучастников от юридически значимого поведения исполнителя преступления. Именно в указанный период это разделение становится наиболее очевидным и видимым. Но именно в это же время начинают появляться аналитические работы с доминирующим компаративистским методом исследования, завершение которых венчалось, как правило, собственной, индивидуальной позицией. Выкристаллизовывается теоретическое положение, в соответствии с которым не все авторы считают исполнителя соучастником преступления. Фиксируется позиция, утверждающая, что соучастие – это совместное умышленное участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, хотя сторонников того, что соучастие – это еще и участие в заранее

²⁷³ Сергеева Т. Л. Учение о соучастии в трудах русских дореволюционных криминалистов. С. 26.

²⁷⁴ Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. С. 583.

намеченных нескольких преступлениях (преступной деятельности), было также немало. Расширяется понятие «сговор» путем ухода от исключительно вербального восприятия. Институт совместного совершения преступления изучается уже не только с догматических позиций, также осуществляется его статистический анализ, выявляется социальная подоплека. Более того, сам институт совместного совершения преступления более не рассматривается исключительно как самостоятельное, оторванное и от действительности, и от иных уголовно-правовых институтов явление. Он становится институтом осложненной преступности, институтом, сопутствующим институту преступления.

§ 3.3. Институт совместного совершения преступления в трудах Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкого

Отдельно остановимся на взглядах исследователей, чьи позиции наиболее полно и ярко отражали основные тенденции двух направлений в уголовном праве в вопросах совместного совершения преступления – акцессорной теории соучастия и теории самостоятельной ответственности. Этими учеными являлись видные государственные деятели и доктора права И. Я. Фойницкий и Н. С. Таганцев.

В 1873 г. в журнале «Судебный вестник» И. Я. Фойницкий опубликовал одну из первых своих работ, посвященных институту совместного совершения преступления, под названием «Укрывательство вещей, добытых преступным путем». В этой работе ученый рассуждает о юридической природе и основаниях уголовной ответственности за укрывательство предметов, добытых преступным путем, освещая два основных подхода в различных законодательствах к данному явлению.

Первый подход являлся старым и традиционным, очень хорошо разработанным во французском праве, и исходил он из того факта, что укрывательство как форма прикосновенности имело значение для уголовной ответственности

только потому, что органически было связано с предшествующим (основным преступлением) и рассматривалось, таким образом, как добавочная часть или особый вид соучастия. Наказуемость такого соучастия, следовательно, напрямую связывалась с наказуемостью виновников, совершивших основное преступление, т. е. фактически имела акцессорную природу.

Второе направление, которого, собственно, и придерживался в тот момент и во все последующие годы И. Я. Фойницкий, проистекало из английского права. «Направление это расстается с системою ответственности укрывателя за главного виновного, и, исходя из того начала, что каждый должен отвечать лишь за себя, за свое личное состояние преступности, требует, чтобы и укрывательство вещей, добытых преступлением, если оно не было условлено наперед, до совершения его, наказывалось не за постороннюю ему деятельность, а за состояние преступности, констатируемое им самим»²⁷⁵.

Основные же свои тезисы, касающиеся института совместного совершения преступления, И. Я. Фойницкий изложил в более поздней своей работе – «Уголовно-правовой доктрине о соучастии» 1891 г. Прежде всего ученый отмечает, что подход господствующей доктрины к соучастию, при котором объектом карательной деятельности государства является преступление как определенное явление внешнего мира, которое может совершить как один человек, так и несколько, не является окончательным. Тяжесть ответственности каждого соучастника при таком подходе определяется тяжестью единого, выполненного всеми преступного деяния. Фойницкий считал, что подход, при котором соучастие рассматривается как участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, является нерациональным. Сам же он утверждает буквально следующее: «Господствующая доктрина говорит о соучастии нескольких лиц в одном

²⁷⁵ См.: На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 года заслуженного ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 1. СПб., 1898. С. 462.

и том же преступлении. С точки зрения теории личного состояния преступности может быть речь только о совместной деятельности или о совместных преступлениях многих лиц»²⁷⁶.

При этом И. Я. Фойницкий, будучи последовательным сторонником социологического направления в уголовном праве, предлагает отойти от тезиса о совместной вине участников преступления и признать раздельность и самостоятельность вины каждого участника²⁷⁷. Кроме того, именно узость прагматического подхода сторонников так называемого господствующего направления привела к тому, что вне рамок института соучастия осталось большое количество случаев совместного совершения преступления. Тот факт, что разработанная к этому времени доктрина соучастия не имела общего значения и не распространялась на все возможные случаи совместного совершения преступления, дал основание ученому предложить отказаться от законодательной регламентации института соучастия в Общей части уголовного права. Фойницкий полагал, что кардинальных изменений в уголовном законодательстве подобные изменения не произведут, хотя, конечно, «переработка некоторых их частей окажется при этом неизбежною»²⁷⁸. Как совершенно обоснованно пишет Ю. Е. Пудовочкин, подобная позиция, иными словами, предполагает совершенно достаточным для привлечения к ответственности соучастников наличия норм Особенной части, объем которых при соответствующем толковании должен был включать в себя любые действия, связанные с реализацией умысла на совершение того или иного преступления²⁷⁹.

Специальный параграф в своем курсе лекций, посвященный отличию соучастия от иных форм совместной преступной деятельности, выделяет Н. С. Таганцев. «Приступая к анализу этого сложного и трудного учения, – пишет

²⁷⁶ Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. М., 1891. Т. 7, кн. 1 (январь), № 1. С. 1.

²⁷⁷ Там же. С. 27.

²⁷⁸ Там же. С. 27.

²⁷⁹ См.: Соучастие в преступлении: проблемы реализации и назначения наказания. М., 2019. С. 11.

исследователь, — мы встречаемся, прежде всего, с вопросом: да есть ли основания для выделения соучастия из родового типа, не тождественно ли это понятие с общим понятием стечения нескольких лиц в одном деянии? Вопрос этот представляется весьма важным, так как, по моему мнению, смешением этих двух понятий объясняется то, до известной степени, хаотическое состояние, в котором мы застаем и ныне это учение в доктрине...»²⁸⁰. И действительно подобное смешение, к примеру, прослеживается в работе С. М. Будзинского, который использовал разделительный союз «или» для отождествления учения о соучастии и учения о стечении нескольких лиц в совершении преступления²⁸¹.

Отличая институт соучастия, Н. С. Таганцев указывает, что его содержание в чем-то шире, а в чем-то уже родового понятия совместной деятельности нескольких лиц. Кроме того, исследователь призывает отличать процессуальное соучастие (совпадение в одном уголовном деле) от материального (совпадение в преступном деянии)²⁸². Достаточно четко Таганцев отличает соучастие и от посредственного причинения, считая последнее «одновиновничеством человека, совершившего преступное деяние посредством недееспособного лица как своего орудия»²⁸³. Отличал ученый соучастие и от совместной преступной деятельности, которая могла, например, выражаться в принадлежности к какой-либо партии или организации, деятельность которых государством признавалась преступной. Не считалось соучастием, по его мнению, и совместное вложение усилий в одно преступление, независимо друг от друга²⁸⁴.

Соучастием Н. С. Таганцев считает только те своеобразные случаи стечения преступников, где есть солидарная ответственность всех за каждого и каждого за всех. Солидар-

²⁸⁰ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб., 1888. С. 863.

²⁸¹ Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 207.

²⁸² Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному ... С. 866.

²⁸³ Там же. С. 867.

²⁸⁴ Там же. С. 868.

ная ответственность предполагает, что каждый из участников находится в определенном причинном отношении к преступному результату, является одной из сил, вкладывающихся в него, а каждый участник не только несет вину индивидуальную, но и является «общником в виновности иных лиц». Это то, что сегодня в уголовном праве России называется единством умыслов.

Такой объективный признак, как множественность участников также рассматривается ученым, считающим, что каждый из участников должен быть виновником и совиновником, т. е. обладать признаками субъекта преступного деяния. В этой связи не деликтоспособное лицо не могло быть соучастником, также как и лицо или лица, действующие с неосторожной формой вины²⁸⁵. Таким образом, констатирует Н. С. Таганцев, форма вины в соучастии может быть только и исключительно умышленной. При этом субъективно связующим условием общности вины исследователь называет намерение. Нужно отметить, что в указанный период времени содержание умышленной формы вины было наполнено несколько иными уголовно-правовыми категориями – намерением, целью, планами. Сегодня мы говорим о том, что признаками субъективной стороны являются цель и мотив преступного деяния. Ученый, считая намерение связующим звеном умысла, говорит о том, что цель и планы при этом не являются существенными для констатации соучастия, если только на представленные категории нет прямого указания в том или ином составе²⁸⁶. В современном уголовном праве предполагается, что существенным субъективным признаком соучастия является единство цели у соучастников. Мотив существенного значения не имеет, если только он не является конститутивным признаком состава конкретного преступления.

Сам факт объединения для совершения преступления в соучастии, согласно точке зрения Н. С. Таганцева, мог состояться путем прямого соглашения или переговоров как до

²⁸⁵ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному ... С. 870.

²⁸⁶ Там же. С. 872.

начала совершения преступления, так и в процессе его совершения. При этом возможна комбинаторика, в соответствии с которой часть соучастников могут заключить соглашение до начала совершения преступления, а часть присоединиться в процессе уже начатого преступления. Кроме того, ученый считает, что такое соглашение может вытекать из характера совершаемых действий соучастниками после, например, подстрекательства, когда лицо вербально не озвучивает свое согласие сразу же после предложения совершить преступление, но спустя какое-то время все же совершает его. Соглашение также может касаться либо всего совершаемого преступления, либо только какой-то его отдельной части²⁸⁷.

Комбинации видов соучастников Н. С. Таганцев предлагает рассматривать применительно к видам соучастия. Так, например, в скопе (соучастии без предварительного соглашения) могут быть выделены главные виновные и участники. Хотя ученый сразу же оговаривается, что все участники скопа могут быть равноответственными главными виновными. К главным виновным, в свою очередь, могут быть отнесены распоряжавшиеся или управлявшие действиями других, приступившие к действию раньше других (при этом неважно, осуществляли ли эти лица только содействие или же выполняли объективную сторону состава), а также лица, непосредственно выполняющие объективную сторону состава преступления. Все остальные отходят к категории участников. Ими являются пособники в современном понимании этого термина, т. е. лица, устраняющие препятствия, предоставляющие орудия и средства совершения преступления. Нужно отметить, что еще одна категория участников скопа – это лица, помогавшие использовать орудия и средства. В современном уголовном праве данная категория, как правило, относится все-таки к соисполнителям преступления²⁸⁸. Но нужно отдать должное Н. С. Таганцеву, который

²⁸⁷ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному ... С. 873.

²⁸⁸ Там же. С. 883–884.

как раз приводит пример из судебной практики, где присяжные именно эту категорию участников признали главными виновниками.

Более разнообразными, по мнению Таганцева, являются виды соучастников при сговоре. По словам ученого, на первом месте стоят физические и интеллектуальные зачинщики. Физические зачинщики – те, кто первыми приступили к совершению преступления или управляли действиями других. Интеллектуальными являются лица, задумавшие преступление и побудившие к его совершению других. При этом неважно, выполняли ли они сами объективную сторону состава или нет.

На второе место исследователь ставит сообщников как некую однородную группу лиц, базовой характеристикой которых является непосредственная деятельность по совершению преступления. При этом объем такой деятельности не имеет значения, главное, чтобы они согласились с зачинщиками принять участие в совершении преступления. Фактически это лица, которых, пользуясь современной терминологией, можно обозначить как исполнителей и соисполнителей.

На третьем месте находятся подстрекатели или подговорщики, которые, не выполняя сами объективную сторону состава (отрицательный признак), различными способами склонили к выполнению объективной стороны состава преступления других лиц (положительный признак)²⁸⁹. Здесь же в своей работе Таганцев сразу же обращает внимание на совпадение по характеристикам двух фигур – подстрекателя и интеллектуального зачинщика, который сам не принимает участия в выполнении объективной стороны, а также на тот факт, что в судебной практике Сената этот вопрос поднимался неоднократно, но так и не получил своего разрешения.

Четвертое место занимают пособники, важной чертой которых также является отсутствие непосредственного уча-

²⁸⁹ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному ... С. 886.

ствия в выполнении объективной стороны состава преступления. Далее Н. С. Таганцев достаточно исчерпывающе перечисляет формы пособничества, к которым относит советы, указания, доставление сведений, предоставление орудий или средств, устранение препятствий, заранее данное обещание предоставить убежище или скрыть преступника, а также приобрести, сбыть или скрыть предметы, добытые преступным путем²⁹⁰.

Рассуждает ученый и о посредственном причинении, но не как об отдельном институте, требующем собственной законодательной регламентации, а в аспекте несостоявшегося подстрекательства, результатом которого должна быть индивидуальная уголовная ответственность такого несостоявшегося подстрекателя. Кроме того, исследователь в многочисленных комментариях к действующему законодательству рассуждает о тех частных вопросах совместного совершения преступления, которые остаются на острие научной полемики и по сей день.

Так, рассуждая о возможности соучастия в служебных преступлениях, автор пишет, что участие в них частного лица может являться преступным только в том единственном случае, когда совершённое должностным лицом служебное преступление является одновременно общим преступлением, т. е. таким, ответственность за которое может нести и частное лицо как общий субъект преступления²⁹¹.

Н. С. Таганцев также вполне четко определяет правовую природу института прикосновенности, которую он не относит не только к институту соучастия, но и к «особой форме совиновничества»²⁹². Рассматривает в своих работах исследователь и вопросы наказуемости соучастников, исходя из базового тезиса о том, что каждый из них должен отвечать за свою преступную деятельность в полном объеме²⁹³.

²⁹⁰ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному ... С. 887–889.

²⁹¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Петроград, 1915. С. 32.

²⁹² Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. С. 947.

²⁹³ См.: Загородников Н. И. Николай Степанович Таганцев. М., 1994. С. 47.

Интересные замечания делает Н. С. Таганцев в комментарии к Уголовному уложению 1903 г., одним из авторов которого является. Так, определяя общее понятие соучастия, он пишет: «Основным признаком соучастия вообще является наличность соглашения соучастников на одно или несколько преступных деяний, чем и определяется общность их вины»²⁹⁴. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что соучастие, согласно точке зрения ученого, будет и тогда, когда соглашение устанавливается на совершение не одного, а нескольких преступлений. Эта особенность присуща только одной форме соучастия, выделяемой дореволюционными исследователями, – шайке²⁹⁵. То есть соучастие – это не только участие в совершении одного преступления, но и нескольких, определенных заранее данным соглашением. Соглашение на совершение преступления может выражаться путем переговоров или деятельностью, свидетельствующей о согласии лица (в современном праве такая деятельность именуется конклюдентной). Соглашение может относиться ко всему деянию или его части, может быть дано заранее или в процессе совершения преступного деяния. Оно предполагает не только умышленность действий, но и единство намерения, безотносительно, однако, к побудительным причинам. Если цель при соучастии должна быть едина, то мотивы при этом значения не имеют (если только они не являются конструктивно необходимыми для конкретного преступления)²⁹⁶.

²⁹⁴ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 106.

²⁹⁵ Согласно точке зрения М. В. Ююкиной, именно шайку Н. С. Таганцев считал наиболее важным видом соучастия, так как она характеризовалась продолжительной преступной деятельностью, опытностью, знанием возможных мест сбыта предметов, добытых преступным путем. Мы хотели бы добавить, что шайку как совершенно специфичную форму соучастия, представляющую наивысшую степень общественной опасности, выделяли практически все русские дореволюционные исследователи. А по мнению Е. В. Черепановой, шайка, под которой понималось сообщество, созданное для совершения нескольких преступлений, безотносительно к их определенности или неопределенности, противопоставлялось преступному сообществу, создаваемому для совершения тяжкого преступления (См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 9. Соучастие в преступлении. М., 2016. С. 31; Бабий Н. А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность. М., 2015. С. 84–85; Черепанова Е. В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 17–18).

²⁹⁶ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 106.

Интересно и вполне современно объясняет Таганцев еще целый ряд вопросов, касающихся нормативного оформления соучастия в Уголовном уложении 1903 г. Так, например, соглашение соучастников, после которого не последовало никаких действий, близко примыкает, по мнению ученого, к приготовлению, так как «согласивший других или согласившийся с другими как бы участвует в приискании и приспособлении средств, необходимых для совершения преступления»²⁹⁷. А вот, например, что пишет исследователь по поводу организации преступного сообщества: «Одно составление сообщества, как и составление шаяк, наказуемо лишь в случаях, особо в законе указанных. Основанием такой наказуемости может быть или особая важность преступных деяний, для которых составилось сообщество или шайка, или же опасность самого факта образования такого сообщества»²⁹⁸. И мы снова видим вполне современный подход к объяснению характера и степени общественной опасности криминализации в Особенной части уголовного законодательства преступных деяний, связанных с созданием некоторых преступных сообществ.

Сложность вопросов, касающихся совместного совершения преступления, неоднозначность их решения, спорность позиций привели к тому, что ряд исследователей начали предлагать упрощенный и даже в какой-то степени утилитарный подход к проблеме, выражающийся в отказе от формулирования общего понятия через систему основных существенных признаков. Выход они видели в нормативном закреплении лишь особенного, тщательной регламентации в законе бесконечно возможного проявления совместного совершения преступления. Такой позиции придерживался профессор И. Я. Фойницкий. Другие, например Н. С. Таганцев, полагали, что только через типизированную регламентацию общего можно распространить все общие существенные признаки явления на множество особенного и таким образом объединить и индивидуализировать его.

²⁹⁷ См.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С. 108.

²⁹⁸ Там же. С. 109.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт совместного совершения преступления в русском дореволюционном уголовном праве прошел достаточно сложный и витиеватый путь. Его генезис уходит своими корнями в первые естественно-правовые научные воззрения. Особенностью этих взглядов, наряду с другими, являлся и тот факт, что любая личность не только индивидуальна и универсальна, но и самодостаточна, в том числе и в вопросах уголовной ответственности. Однако совместность при совершении преступления преимущественно рассматривалась по отношению к войне. Это было коллективное преступное деяние коллективных единиц, ответственность за которое лежала не только на верховной власти, инициирующей решение о ее развязывании, но и на народе, принимающем это решение и воплощающим его в жизнь. Даже рассматривая проявления совместного совершения частных преступлений, сторонники естественно-научной школы прежде всего среди возможных соучастников выделяли лиц, способных влиять на волю и сознание других людей и являться инициаторами и организаторами преступлений.

Естественно-правовые взгляды отражались на уголовно-правовых конструкциях, которые первыми российскими исследователями строились либо исключительно на интерпретации свободы воли и чистого разума, либо интерпретировались через призму не только естественно-правовых взглядов, но и при несомненном влиянии на них норм положительного законодательства. Работам представителей естественного права, рассматривавшим проблемы совместного совершения преступления, был свойственен вполне прагматичный подход, выражавшийся не только в рассмотрении возможных вопросов совершения преступления коллективными единицами, но и обязательного возмещения ущерба, причиненного такими преступлениями. Хотя в ряде случаев представители школы естественного

права отмечают невозможность привлечения к уголовной ответственности коллективных единиц в силу отсутствия надлежащих судей. По мнению Е. В. Спекторского, именно естественно-правовые идеи дали толчок развитию в праве, в том числе и так называемой социологической школы, одной из основных задач которой и являлось отражение многообразия личности и ее полноценного интегрирования в классическую нормативную конструкцию права²⁹⁹.

В дальнейшем положения школы естественного права были существенно скорректированы представителями просветительно-гуманистического направления, привнесшими в правовое бытие основные законодательные принципы законности, справедливости и гуманизма. Хотя, конечно же, необходимо отметить, что воззрения представителей просветительно-гуманистического направления базировались во многом на идеях школы естественного права. Создающаяся новая буржуазная юстиция начинает становиться на кардинально противоположные феодальной юстиции позиции. Осуществляется постепенный уход от уравнивания ответственности при совместном совершении преступления к ее индивидуализации и дифференциации в зависимости от характера и степени участия того или иного лица в совершении преступления. Это, в свою очередь, способствовало тщательной разработке отдельных видов соучастников с собственными, присущими только им основаниями уголовной ответственности³⁰⁰. Особенно это коснулось непосредственных и опосредованных исполнителей

²⁹⁹ Спекторский Е. В. Начала науки о государстве и обществе. Белград, 1927. С. 38.

³⁰⁰ Отметим, что к подобным выводам приходят и некоторые современные исследователи. Так, например, Е. А. Свиарева полагает, что исторически институт соучастия в должностных преступлениях развивался в направлении дифференциации видов соучастников. То же самое предполагает и А. В. Плужников (Свиарева Е. А. Институт соучастия в должностных преступлениях в российском уголовном праве: традиция и современность // Государство и право. 2009. № 6. С. 96; Плужников А. В. Соучастие в преступлении (проблема соучастия общего и специального субъекта) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008).

преступления. Еще одной несомненной заслугой просветителей-гуманистов являлось то, что именно они заложили основы акцессорной природы соучастия.

Русские исследователи в силу целого ряда причин начинали свои исследования в области уголовного права, в частности в аспекте совместного совершения преступления, с рецепционных позиций. На формирование института совместного совершения преступления в конце XVIII – начале XIX в. оказали несомненное влияние работы не только представителей школы естественного права, просветителей-гуманистов, сторонников классического направления уголовного права, но и работы политических писателей России, которые не занимались практической юриспруденцией и не являлись преподавателями учебных заведений. Эти работы не были в полном смысле юридическими, а преследовали цель реформирования и оздоровления уголовного законодательства, в большей степени определяя основные направления в развитии науки уголовного права.

Наряду с произведениями политических писателей, в России получали распространение произведения законоискусников, осуществлявших собирание, анализ и систематизацию уголовных законов в том числе. Хотя, по мнению некоторых их современников и позднейших исследователей, эти работы редко отличались полной завершенностью и не всегда соответствовали потребностям научной рефлексии. И только появление первых работ, содержащих научную, догматическую обработку материала, в том числе и исторических позиций, начало активно способствовать становлению учения о совместном совершении преступления в России.

Очевидно, что исследователей, осуществлявших формирование института совместного совершения преступления в российском уголовном праве, в конце XVIII – первой половине XIX в., объединяет несколько ключевых моментов.

1. Ощутимая разница в терминологическом аппарате. Практически все исследователи используют собственные

словообразования как в попытках определить совместное совершение преступления, так и в нарицании видов соучастников и форм соучастия.

2. Различен был и подход в сущностном определении понятия совместного совершения преступления (соучастия, сообщества в преступлении и т. п.). Некоторыми учеными оно определялось как вид преступления (преступной деятельности), другими упор делался на специфику взаимодействия нескольких лиц в совершении преступления.

3. Основной акцент в исследованиях делался на внешних различиях действий лиц, совместно совершающих преступление. То есть фактически институт совместного совершения преступления (соучастия) дифференцируется на одном основании деления – видах участников. При этом вновь явно видны различия в терминологическом обозначении таких лиц и смешение функций различных соучастников. Справедливости ради необходимо отметить, что исследователи пытаются выделять и формы совместной преступной деятельности, хотя и здесь нет единого подхода.

4. Почти все исследователи так или иначе рассматривают в своих работах вопросы оснований наказуемости лиц, совместно совершающих преступление.

5. Видны попытки формулирования нескольких видов совместного совершения преступления, к которому помимо соучастия исследователи начинают относить и прикосновенность к преступлению, и посредственное причинение. Однако четкого различия между соучастниками, посредственными причинителями и прикосновенными лицами также не прослеживается.

Последующие исследования второй половины XIX – начала XX в. были сосредоточены именно на институтах соучастия, посредственного причинения и прикосновенности. Хотя, конечно же, не оставались без внимания многочисленные случаи иного совместного совершения преступления и общественно опасного деяния, но рассматривались они через призму «генерального» института соучастия. Ученые, ис-

пытывая несомненное зарубежное влияние и адаптируя полученные знания для российской действительности, полемизировали на страницах учебной и монографической литературы о правовой природе соучастия, его сущности и формах, рассматривали и спорили по поводу количества возможных соучастников, спектра их действий, особенностях наказуемости.

С актуальной повестки дня не снимался вопрос о том, относить ли к соучастникам непосредственных исполнителей преступления и соисполнителей (виновников и совиновников), или же к соучастникам, т. е. лицам, участвующим в совершении преступления другим лицом, можно относить только тех, кто склонял к совершению преступления и содействовал его совершению. Должно ли быть единым преступление, о соучастии в котором идет речь, или под понятие соучастия могут подпадать и ситуации, когда лица участвуют в разных, но связанных друг с другом преступлениях?

Рассматривались и сложные вопросы совместного совершения преступления, в частности те, которые продолжают представлять интерес и для современных исследователей. К таким вопросам можно отнести деление соучастия на виды и формы, участие в совершении преступления со специальным субъектом, распространение квалифицирующих обстоятельств, свойственных исполнителю, на других соучастников и т. д. Без всякого сомнения осуществлялось и комментирование действующего уголовного законодательства в вопросах соучастия и прикосновенности.

Что касается видов и форм соучастия, то ситуация с дифференциацией в русском дореволюционном уголовном праве была достаточно непростой. Во второй половине XIX – начале XX в. исследователи в целом подходили к этому вопросу достаточно согласованно. К формам соучастия практически все относили такие виды преступных сообществ, как скоп, заговор и шайка. А вот виды соучастия большинство исследователей рассматривают через призму видов соучастников.

Почти все ученые закладывали в основание деления соучастия на формы наличие или отсутствие предварительного соглашения, и только некоторые не полагали это основанием для деления соучастия на формы, считая самостоятельными формами соучастия. А вот сговор, в котором отсутствовал предварительный сговор, и шайку с заговором, в которых предварительный сговор был, они как раз и считали видами соответствующих форм – соучастия с предварительным соглашением и соучастия без предварительного соглашения.

Во второй половине XIX в. потерял свою острую дискуссионность вопрос о прикосновенности к преступлению. Во всяком случае, практически прекратились споры о его правовой природе. Исключение составляли лишь позиции единичных авторов, например Э. Я. Немировского. Но в целом оставались незакрытыми лишь вопросы определения понятия, видов, а также его наказуемости. Слишком широко изначально понималось отечественными исследователями понятие прикосновенности. Благоприятствование совершению преступления, покровительство, потворство выражались не только в привычных нам формах укрывательства, попустительства и недонесения, но и в одобрении совершённого, совершаемого или готовящегося преступления, пользовании его плодами, неоказании помощи и др. А самое главное, нечеткость в определении заведомости таких действий приводила к сложностям в отличии прикосновенности от соучастия. Нужно отметить, что в современном уголовном праве и одобрение, и пользование плодами совершённого преступления при определенных условиях являются формами интеллектуального пособничества и органически входят в понятие соучастия.

И тем не менее в том, что прикосновенность – это самостоятельный институт, который не является соучастием и связан с определенным предшествующим преступлением, сомнений практически ни у кого не оставалось. Однако его ментальная близость к соучастию давала основания рассматривать его как очень близкий, родственный институт,

представляющий один из видов совместного совершения преступления. Именно прикосновенность к преступлению, на наш взгляд, была теоретически безупречно обоснована представителями социологической школы уголовного права как совершенно самостоятельная и индивидуальная преступная деятельность.

А вот институт посредственного причинения в начале XX в., напротив, усложнился благодаря его расширительному толкованию со стороны некоторых исследователей. Так, в частности, Э. Я. Немировский начинает считать посредственным причинением не только ситуации, когда какое-либо лицо привлекает к совершению преступления невинного агента в силу различных обстоятельств либо не являющегося субъектом преступления, либо не подлежащего уголовной ответственности, но также и сам концептуальный подход представителей классического направления в уголовном праве к институту соучастия. Он фактически признает посредственным причинением сам факт совершения преступления, где объективную сторону выполняет исполнитель, а остальные (сложные соучастники – подстрекатели и пособники) фактически как орудием распоряжаются им. Разница заключается только лишь в том, что исполнитель преступного деяния в этом случае является субъектом преступления. Однако, конечно же, подобный расширительный подход к посредственному причинению является неприемлемым. Во-первых, потому что привлекаемое лицо должно быть именно невинным агентом, а, во-вторых, потому что привлекаемый невинный субъект должен выполнять объективную сторону состава преступления в одиночку (если только речь не идет о нескольких привлекаемых невинных агентах).

Остался практически неразрешенным вопрос о возможности участия в совершении преступления с неосторожной формой вины. При всей категоричности неприятия неосторожной формы вины в соучастии достаточно значительная часть ученых допускала различные варианты наличия неосторожности в совместном совершении преступления (но

именно в совместном совершении преступления, а не в соучастии). Такая тенденция продолжилась и в советской науке уголовного права.

Еще один вопрос, остающийся сегодня без четкого ответа, — деление соучастия на необходимое и случайное. По умолчанию составы, в которых исполнитель физически не может быть один, к преступлениям, совершённым в соучастии, сегодня не относятся. Одним из наиболее ярких примеров является преступление, предусмотренное ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки». Однако русские дореволюционные исследователи достаточно долго относили подобные составы преступлений именно к деяниям, совершённым в соучастии. Современное уголовное право криминализирует деяния, в которых внешне действия исполнителей схожи с действиями соучастников, предусмотренных в Общей части уголовного права. Например, склонение, вовлечение (сходство с подстрекателем) или содействие совершению того или иного преступления (сходство с пособником), организация чего-либо (и вновь сходство с фигурой сложного соучастника, предусмотренного в Общей части, — организатора преступления). Однако это самостоятельные преступления, а действия указанных в них лиц являются действиями исполнительскими.

В то же время необходимо сказать и о вполне сформировавшемся ко времени Революции институте соучастия, особенно в интерпретации сторонников господствующего направления. Его положения кажутся вполне своевременными и сегодня, они охватывают все решенные и очень многие нерешенные даже в современном праве вопросы этого института.

Российские дореволюционные исследователи интуитивно чувствовали, что разнообразие возможных форм совместного совершения преступления и преступлений гораздо шире, нежели мог предложить формирующийся господствующей теорией институт соучастия. Стечение нескольких лиц в совершении преступления предполагало такое коли-

чество возможных комбинаций, что закрепить их нормативно или в качестве общих теоретических положений было практически невозможно³⁰¹.

При этом ученые вынуждены были идти в канве только лишь двух возможных вариантов. Первый предполагал исключение всех иных форм совместного совершения преступления, кроме соучастия как совместного умышленного участия нескольких лиц в совершении преступления. Второй старался включить в институт соучастия как можно больше иных форм совместного совершения преступления. Ни первый, ни второй путь с точки зрения современного уголовного права не представляются продуктивными. В первом случае за бортом не только догматического исследования, но и законодательной регламентации оставалось слишком много случаев криминального причинения вреда несколькими лицами. Во втором случае трещала по швам теоретическая конструкция института соучастия, не выдерживая несоответствия между характеристикой существенных признаков соучастия в определении понятия и реально существующими ситуациями, такими признаками не обладающими.

И тем не менее бесценное теоретическое наследие русских дореволюционных криминалистов в области совместного совершения преступления поражает своей оригинальностью, нетривиальностью, смелостью научных суждений, отсутствием страха показаться немодными, огромным желанием создать и самобытную доктринальную конструкцию, на базе которой можно было бы продолжить дальнейшие теоретические изыскания, и действенный инструмент для правоприменителя, насущно нуждающегося в простых и вместе с тем утилитарных, законодательно закрепленных нормах, позволяющих охватывать практически все возможные случаи совершения преступлений несколькими лицами.

³⁰¹ См.: Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Вып. 1. С. 161–164.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные и иные (исторические, археографические, летописные и др.) акты

1. Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. – Санкт-Петербург : Тип. Император. акад. наук, 1907. – 175 с.

2. Проект Уголовного Уложения Российской Империи. Ч. 1. Основания уголовного права; Ч. 2. О наказаниях за государственные и общественные преступления; Ч. 3. О наказаниях за частные преступления: [Составлено в Комиссии для составления законов]. – Санкт-Петербург : Печатано при Сенат. тип., 1813. – 185 с.

3. Проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А. А. Востокова, предисл. Н. Сергеевского. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 208 с.

4. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1904. – 1122 с.

5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н. С. Таганцевым. – Петроград : Гос. тип., 1915. – 1285 с.

6. Французский уголовный кодекс 1810 года // под ред. и со вступит. ст. М. М. Исаева. – Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 372 с.

Специальная (монографическая), учебно-методическая и научно-практическая литература

7. Бабий Н. А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность / Н. А. Бабий. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 744 с.

8. Баршев С. И. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях / С. И. Баршев. – Москва : Унив. тип., 1841. – 107 с.

9. Баршев С. И. О мере наказаний / С. И. Баршев. – Москва : Унив. тип., 1840. – 279 с.

10. Безверхов А. Г. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года : монография / А. Г. Безверхов, В. С. Коростелев. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2013. – 192 с.

11. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. – Киев – Санкт-Петербург ; Харьков : Юж.-Рус. книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. – 618 с.

12. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Т. 1. Часть общая / А. Ф. Бернер. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена и комп. (Н. А. Неклюдова), 1865. – 916 с.

13. Будзинский С. М. Начала уголовного права / С. М. Будзинский. – Варшава : Типография И. Яворского, 1870. – 362 с.

14. Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть / Л. Е. Владимиров. – Харьков : Изд-во тип. Каплана и Бирюкова, 1889. – 253 с.

15. Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права / Н. Власьев – Москва : Унив. тип., 1860. – 192 с.

16. Георгиевский Э. В. Совместное совершение преступления в истории уголовного законодательства : монография / Э. В. Георгиевский – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 168 с.

17. Гернет М. Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете / М. Н. Гернет. – Херсон : Изд. Н. А. Ходушина, 1913. – 202 с.

18. Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века / А. А. Герцензон – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 320 с.

19. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще / О. Горегляд. – Санкт-Петербург : Тип. Иос. Иоаннесова, 1815. – 167 с.

20. Горюшкин З. А. Руководство к познанию российского законоискусства / З. А. Горюшкин – Москва : Унив. тип., 1811. – 364 с.

21. Гроций Г. О праве войны и мира / Репринт с изд. 1956 г. – Москва : Ладомир, 1994. – 868 с.

22. Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений / П. Гуляев. – Москва : Типография П. Кузнецова, 1826. – 209 с.

23. Дильтей Ф.-Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с Уставом главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, Словесного суда и Гильдии, с Уставом же таможенным старым и новым, их конфирмациями и с инструкцией Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указами, сочиненное в пользу учащихся юриспруденции / Ф.-Г. Дильтей. – Москва : Печ. при Император. Моск. ун-те, 1779. – 152 с.

24. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею / Д. А. Дриль. – Санкт-Петербург : Шиповникъ, 1912. – 568 с.

25. Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая: преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В. В. Есипов. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1894. – 419 с.

26. Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование / А. А. Жижиленко. – Санкт-Петербург : Nevskaya tip., 1900. – 746 с.

27. Жиряев А. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А. Жиряев. – Дерпт : Печатано в тип. Г. Лаакманна, 1850. – 145 с.

28. Загородников Н. И. Николай Степанович Таганцев / Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – 134 с.

29. Зайцев Л. М. Ответственность при массовых преступлениях / Л. М. Зайцев. – Киев : Тип. «Петр Барский», 1909. – 55 с.

30. Зарудный С. И. Беккария о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою X-ю Наказа Екатерины II и с современными русскими законами : материалы для разраб. сравн. изуч. теории и практики уголов. законодательства / С. И. Зарудный. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отд-ния Собств. Его Императ. Величества канцелярии, 1879. – 196 с.

31. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект / Н. Г. Иванов ; под ред. О. Ф. Шишова. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1991. – 128 с.

32. Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2008. – 544 с.

33. Исаев М. М. К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века: доклад, сделанный в Военно-юридической академии в апреле 1946 г. / М. М. Исаев. — Москва : Тип. Воен.-юрид. акад., 1947. — 36 с.

34. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть общая / П. Д. Калмыков. — Санкт-Петербург : Тип. товарищества «Общественная польза», 1866. — 535 с.

35. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т.1: Общая часть / А. Ф. Кистяковский. — Киев : Унив. тип., 1875. — 413 с.

36. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Часть 1: Понятие соучастия / М. И. Ковалев — Свердловск : [Б. и.], 1960. — 286 с.

37. Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих равномерно как и чиноположения оных историй, сочиненное подпоручиком Алексеем Артемьевым. — Москва : Император. Моск. ун-т, 1777. — 190 с.

38. Криминология : учеб. пособие / под общ. ред. В. Е. Эминова. — Москва : Юрист, 1997. — 512 с.

39. Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности) / Г. Е. Колоколов. — Москва : Император. Моск. ун-т, 1881. — 211 с.

40. Колосовский П. Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья. Опыт исследования по русскому уголовному праву / П. Д. Колосовский. — Москва : Тип. Т. Т. Волкова и К°, 1857. — 290 с.

41. Куницын А. П. Право естественное / А. П. Куницын. — Санкт-Петербург : Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. — 164 с.

42. Курс советского уголовного права: Преступление. Часть общая. В 6 т. Т. 2 / редкол.: А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе — Москва : Наука, 1970. — 516 с.

43. Лангер К. Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда и что употребление онаго рассуждать надлежит по различному состоянию гражданств и по намерению, которое в наказании людей иметь должно / К. Лангер. — Москва : Император. Моск. ун-т, 1767. — 26 с.

44. Лодий П. Д. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве / П. Д. Лодий. — Санкт-Петербург : Тип. Департамента внешней торговли, 1828. — 450 с.

45. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права / А. В. Лохвицкий. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1867. – 662 с.

46. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Часть II. Значение результата / С. П. Мокринский. – Томск : Печатня С. П. Яковлева, 1902. – 291 с.

47. Монтескье Шарль Луи. О духе законов / Шарль Луи Монтескье ; пер. на рус. яз. А. Горнфельда ; вступит. ст. Д. Хаустова. – Москва : Рипол-классик, 2019. – 690 с.

48. Нейман И. Начальные основания уголовного права / И. Нейман. – Санкт-Петербург : Тип. Иос. Иоаннесова, 1814. – 75 с.

49. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. Конспект / Н. А. Неклюдов – Санкт-Петербург : Рус. кн. торговля, 1875. – 192 с.

50. Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права / Э. Я. Немировский. – Одесса : Тип. «Техник», 1917. – 644 с.

51. Неттельбладт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, принаравленное к употреблению основания положительной юриспруденции / Д. Неттельбладт. – Москва : Печ. при Император. Моск. ун-те, 1770. – 479 с.

52. Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века) / О. А. Омельченко. – Москва : ВЮЗИ, 1989. – 148 с.

53. Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте / А. А. Пионтковский. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 191 с.

54. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С. В. Познышев. – Москва : А. А. Карцев, 1912. – 653 с.

55. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений / Познышев С. В. – Москва : Унив. тип., 1905. – 407 с.

56. Полетаев Н. Прикосновенность к преступлению // Журнал министерства юстиции. Т. 14 / Н. Полетаев. – Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1862. – 704 с.

57. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1 / П. П. Пусторослев. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. – 535 с.

58. Пуфендорф С. О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах

Российской Империи / С. Пуфендорф. – Санкт-Петербург, 1796. – 180 с.

59. Решетников Ф. М. Беккариа / Ф. М. Решетников. – Москва : Юрид. лит., 1987. – 128 с.

60. Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. I: Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве / Ф. М. Решетников – Москва : Изд-во Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумубы, 1965. – 70 с.

61. Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. II: «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление / Ф. М. Решетников. – Москва : Изд-во Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумубы, 1956. – 98 с.

62. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором... Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. Г. С. Фельдштейна. – Ярославль : Изд-во Демидов. юрид. лица, 1907. – 218 с.

63. «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения ей предшествующие / под ред. М. В. Нечкиной // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1958. – 692 с.

64. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 666 с.

65. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая / Н. Д. Сергеевский. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1896. – 378 с.

66. Ситникова А. И. Институт соучастия / А. И. Ситникова. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 211 с.

67. Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.) / И. И. Солодкин. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 170 с.

68. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания : монография / В. К. Андрианов, И. И. Голубов, В. В. Кустова [и др.] ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : Изд-во РГУП, 2019. – 507 с.

69. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1 / В. Д. Спасович. – Санкт-Петербург : Тип. И. Огризко, 1863. – Вып. 1. – 178 с.

70. Спекторский Е. В. Начала науки о государстве и обществе / Е. В. Спекторский. – Белград : Тип. «Радъ», 1927. – 144 с.

71. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая / Н. С. Таганцев. – Санкт-Петербург : В гос. тип., 1888. – Вып. 2. – 974 с.

72. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая. В 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев ; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – 380 с.

73. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3 т. Т. 1 / В. А. Томсинов. – 2-е изд., доп. – Москва : Зерцало-М, 2015. – 468 с.

74. Трайнин А. Н. Учение о соучастии / А. Н. Трайнин. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 158 с.

75. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. 9. Соучастие в преступлении / под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

76. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов. В 3 т. Т. 1. Введение в уголовное право / под общ. ред. А. Н. Савенкова ; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2022. – 728 с.

77. Фейербах П. И. А. Уголовное право. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права: с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся / П. И. А. Фейербах. – Санкт-Петербург : Тип. Гос. Коммерц-коллегии, 1811. – 330 с.

78. Фейербах П. И. А. Уголовное право / П. И. А. Фейербах. – Санкт-Петербург : Мед. тип., 1810. – 329 с.

79. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2003. – 542 с.

80. Фельдштейн Г. С. Профессор С. И. Баршев («учитель» русских криминалистов) / Г. С. Фельдштейн. – Ярославль : Типолиграфия наслед. Э. Г. Фальк, 1908. – 44 с.

81. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву / И. Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. – 289 с.

82. Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению / И. Я. Хейфец. – Москва : Изд-во юрид. кн. магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. – 128 с.

83. Цветаев Л. А. Краткая теория законов. Ч. 2 и 3. Содержащие теорию уголовных законов и теорию судопроизводства гражданских и уголовных дел / Л. А. Цветаев. – Москва : Унив. тип., 1810. – 75 с.

84. Цветаев Л. А. Начертание теории законов / Л. А. Цветаев. – Москва : Университетская типография, 1816. – 577 с.

85. Чезаре Беккариа. О преступлениях и наказаниях / Беккариа Чезаре ; биогр. очерк и пер. М. М. Исаева. – Москва : Юриздат, 1939. – 464 с.

86. Червонецкий Д. А. Государственные преступления по русскому праву / Д. А. Червонецкий. – Юрьев : Тип. К. Матиссена, 1913. – 83 с.

87. Чучаев А. И. Уголовно-правовые взгляды Н. Д. Сергеевского / А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2014. – 515 с.

88. Шляпочников А. С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях / А. С. Шляпочников. – Москва : Сов. изд-во, 1932. – 36 с.

89. Якоб Л. Г. Естественное и народное право для гимназий Российской Империи / Л. Г. Якоб. – Санкт-Петербург : Тип. при Император. Акад. наук, 1817. – 71 с.

Научные статьи, научные сообщения, тезисы докладов

90. Александрова Н. С. Уголовно-правовая оценка посредственного исполнения преступления в зарубежном уголовном праве / Н. С. Александрова, Н. В. Баранков // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2001. – № 4 (17). – С. 146–155.

91. Алексеев С. В. Индивидуализация ответственности участников группового преступления в уголовном законодательстве России начала XIX в. / С. В. Алексеев // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 12 (60). – С. 135–139.

92. Апресян Р. Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. – 2002. – № 3. – С. 139–165.

93. Баршев С. И. О подстрекательстве / С. И. Баршев // Журнал министерства юстиции. – 1868. – Т. 1. – С. 385–404.

94. Баумштейн А. Б. Классическая школа уголовного права: этапы исторического развития / А. Б. Баумштейн // Закон и право. – 2013. – № 12. – С. 69–70.

95. Бодунова О. Г. Юридическое наследие В. Д. Спасовича / О. Г. Бодунова // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 10. – С. 141–146.

96. Бочкарев С. А. Состояние уголовного права: «пороги» и «пороки» научного осмысления / С. А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1 (2). – С. 58–71.

97. Вареник П. К. Концепция становления и развития административного права в работах А. И. Елистратова и З. А. Горюшкина / П. К. Вареник // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № S3-1. – С. 66–76.

98. Герасимова С. А. Луи де Жокур: пассионарная личность эпохи Просвещения или «раб энциклопедии» / С. А. Герасимова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2021. – № 2 (42). – С. 57–65.

99. Голобокова О. В. А. Ф. Бернер: путь в науку / О. В. Голобокова // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 23–29.

100. Захаров Д. П. Михаил Николаевич Гернет, 1874–1953 / Д. П. Захаров // Правоведение. – 1978. – № 5. – С. 97–108.

101. Малахов О. В. Разработка понятия соучастия в теории российского уголовного права первой половины XIX в. / О. В. Малахов // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 2 (3). – С. 175–177.

102. Маньковский Б. Чезаре Беккариа и наука уголовного права / Б. Маньковский // Советское государство. – 1938. – № 4. – С. 102–111.

103. Ошерович Б. С. Чезаре Беккариа / Б. С. Ошерович // Советское государство. – 1938. – № 4. – С. 93–102.

104. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа / С. В. Перевезенцев // Историческое образование. – 2014. – № 2. – С. 70–88.

105. Рарог А. И. Уголовно-правовые средства воздействия на организованную преступность / А. И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 104–107.

106. Салимгареева А. Р. Проблемы установления в российском уголовном праве юридической природы соучастия в преступлении / А. Р. Салимгареева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 2 (44). – С. 58–69.

107. Свинаярева Е. А. Институт соучастия в должностных преступлениях в российском уголовном праве: традиция и современность / Е. А. Свинаярева // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 92–96.

108. Сергеева Т. Л. Учение о соучастии в трудах русских до-революционных криминалистов / Т. Л. Сергеева // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2010. – № 1. – С. 22–52.

109. Томсинов В. А. Первый профессор Юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723–1781) / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2015. – № 2. – С. 3–20.

110. Упоров И. В. Сочинение Осипа Горегляда 1815 года: к истокам систематизации российского уголовного права / И. В. Упоров // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 27. – С. 366–372.

111. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии / И. Я. Фойницкий // Юридический Вестник. – 1891. – Т. 7, кн. 1 (январь). – № 1. – С. 3–28.

112. Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) / Е. А. Фролова // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2013. – № 2. – С. 71–77.

113. Хельманн У. История немецкого уголовного уложения / У. Хельманн, В. Н. Сатолин // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 2. – С. 118–124.

114. Цветкова А. С. А. С. Жиряев: нереализованные возможности / А. С. Цветкова // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 1. – С. 202–206.

115. Чучаев А. И. Первый опыт начертания российского уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда) / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева // Уголовное право. – 2015. – № 2. – С. 16–21.

116. Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева // Lex Russica. – 2015. – 3 (Т. С). – С. 112–124.

117. Ширяев А. Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха / А. Ю. Ширяев // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 6. – С. 53–61.

Диссертации и авторефераты диссертаций

118. Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве : дис. на тему, утв. конф. Александр. Воен.-Юрид. акад. / Д. Д. Безсонов. – Санкт-Петербург, 1907. – 480 л.

119. Епифанова Е. В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России : дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Епифанова. – Краснодар, 2002. – 229 л.

120. Плужников А. В. Соучастие в преступлении (проблема соучастия общего и специального субъекта) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Плужников. – Москва, 2008. – 22 с.

121. Черепанова Е. В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Черепанова. – Москва, 2009. – 28 с.

Справочная и хрестоматийная литература

122. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского Университета за сто лет его существования (1802—1902 г.). Т. 1 / под ред. Г. В. Левицкого. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1902. – 674 с.

123. Гущина Е. В. Биографический сборник Демидовского университета / Е. В. Гущина, Д. К. Морозов, Ю. Г. Салова. – Ярославль, Рыбинск : Рыбин. дом печати, 2008. – 252 с.

124. Звягинцев А. Г. Российские юристы: Краткий биографический словарь / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. – Москва : Рипол-классик, 2004. – 542 с.

125. Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Нарушевич – Ньютон / под общ. ред. К. К. Арсеньева. – Петроград : АО «Издательское дело» бывшее «Брокгауз – Ефрон», 1916. – 529 с.

126. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад ; редкол.: М. М. Безруких, В. А. Болотов, Л. С. Глебова. – Москва : Большая Рос. энцикл., 2003. – 527 с.

127. Русский биографический словарь. Т. 8. Ибакъ – Ключаревь / под ред. А. А. Половцова. – Санкт-Петербург : Тип. Гл. Управления Уделов, 1897. – 756 с.

128. Русский биографический словарь. Т. 10. Лабзина – Ляшенко / под ред. А. А. Половцова. – Санкт-Петербург : Тип. Гл. Управления Уделов, 1914. – 846 с.

129. Энциклопедический словарь. Т. 2. Араго – Аутка / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1890. – 478 с.

130. Энциклопедический словарь. Т. 3. Бергеръ – Бисы / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1892. – 952 с.

131. Энциклопедический словарь. Т. 4а. Бось – Бунчукъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона 1891. – 938 с.

132. Энциклопедический словарь. Т. 6а. Винословіе – Воланъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1892. – 944 с.

133. Энциклопедический словарь. Т. 10. Десмургія – Домиціанъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1893. – 960 с.

134. Энциклопедический словарь. Т. 12. Жилы – Земпахъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1894. – 480 с.

135. Энциклопедический словарь. Т. 14. Калака – Кардамъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1895. – 480 с.

136. Энциклопедический словарь. Т. 16а. Коала – Конкордія / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1895. – 960 с.

137. Энциклопедический словарь. Т. 17. Култагой – Ледъ / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1896. – 482 с.

138. Энциклопедический словарь Т. 18. Лопари – Малолетніе преступники / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1896. – 480 с.

139. Энциклопедический словарь. Т. 18. Малолетство – Мейшагола / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Типолитография И. А. Ефрона, 1896. – С. 481–958.

140. Энциклопедический словарь. Т. 35 (69). Усинский пограничный округ – Фенол / под ред. И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Тип. АО «Брокгауз – Ефрон», 1902. – 476 с.

141. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении / С. С. Аветисян, Е. А. Галактионов, Р. Р. Галиакбаров [и др.]. – Санкт-Петербург : Тип. проф. Малинина, 2007. – 563 с.

Научное издание

Георгиевский Эдуард Викторович

**ИНСТИТУТ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УГОЛОВНОГО
ПРАВА**

ISBN 978-5-9624-2333-3

Редактор *Ю. А. Балашова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2024. Поз. 111
Подписано в печать 22.11.2024. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 6,7. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 50 экз. Заказ 152

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124